

Под красным знаменем — на разгром врага

Шолоковые и бархатные, вышитые золотом и серебром, развеваются знамена над сражающимися воинами наших полков и дивизий.

Чем больше знамя побывало в боях, чем больше пуль его пробило, чем больше окурено оно пороховым дымом жестоких битв, тем больше такому знамени почта и славы.

Люди умирают в боях, уходят из части, а славные дела их, их подвиги, продолжают жить. И как напоминание об этом из рук в руки, из поколения в поколение передается и бережно хранится овеянное славой воинское знамя.

Воинские знамена существуют очень давно: они появлялись задолго до возникновения регулярных армий. И всегда воинские знамена почитались как самые священные реликвии, напоминавшие о долге, возвышенной которого не было.

Русские рати и полки уже издавна ходили в бой с развернутыми знаменами, которые в глубокой старине называли стягами. В «Слове о полку Игореве» так описано приготовление русских войск к походу: «Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле».

Воинское знамя как бы осеняло русских стрелков, оно говорило им: «Родина благословляет вас на подвиг ратный, на смертный бой с врагом, вторгшимся на родную землю». И русские богатыри шли вперед, в жестокой сече добывая своему знамени новую победу, новую славу.

О том, что такое знамя, как к нему надо относиться, об обязанностях знаменосца хорошо сказал Пётр I:

«Знаменосцу в бою... не надлежит знамя свое оставлять под смертною казнию, но подобает ему оное в левой руке держать, а правую рукою оборонять, даже до смерти не оставляя оного...»

«А егда опасный случай учинится, тогда знамя от древка отдрать надлежит и у себе скоронить или около себя обвить и тако себя оным спасать».

Военная история русского народа знает немало подвигов, которые совершили сыны России со знаменем в руках.

Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов лишился своего правого глаза в бою близ Алушты. Он был ранен в момент, когда со знаменем бросился вперед, воодушевляя своим примером солдат.

В 1805 году после тяжелого сражения под Аустерлицем русское командование не досчиталось тридцати знамен. Однако вскоре оказалось, что двадцать два знамени из тридцати спасены солдатами и офицерами.

Раненый картечью в ногу и штывком в бок, истекая кровью, унтер-офицер Замарин ночью на поле сражения оторвал от древка знамя своего Азовского мушкетерского полка и зашил его в рукав своего мундира. Он попал в плен к французам и два месяца пролежал в госпитале. Потом, бежав из госпиталя, доставил драгоценное знамя в Россию.

Подпрапорщик Грибовский тоже был ранен в бою и также спрятал знамя своего полка. Умирая в плену, он тайком передал его барабанщику Кириллу Павлову. Павлов, боясь, что знамя будет обнаружено, в свою очередь передал его унтер-офицеру Шамову. И Шамов вернул знамя на родину.

Молодые воины! Помните эти благородные и смелые подвиги русских солдат. Будьте достойны их доблести, и пусть немеркнущая слава русского

воинского знамени осенит вас на новые героические дела во славу нашей великой родины!

Наши красные знамена особенно дороги нам, так как они не только символ славы русского оружия, но и символ священной борьбы трудового народа за свою честь и свободу. Недаром на красном знамени горит кровь многих тысяч народных героев, прошедших долгий и тяжелый путь борьбы и лишений за лучшее будущее человечества.

Красное знамя стало знаменем народного восстания. В 1905 году оно развевалось над баррикадами Пресни в Москве, реяло над головами демонстрантов в Петербурге, в городах Прибалтики и в далекой Сибири.

В Томске раненый жандармами во время демонстрации рабочих Кононов успел спрятать знамя в карман. Кононов умер, его тело отправили в мертвецкую, а ночью из мертвецкой знамя достал молодой революционер Сергей Миронович Киров. Потом, когда рабочие хоронили Кононова, это знамя вновь развевалось над огромной толпой демонстрантов, которая провожала в последний путь тело своего павшего товарища.

В Москве, призывая рабочих к стачке, с красным знаменем в руках погиб замечательный революционер Николай Бауман.

В 1917 году улицы Петрограда и Москвы снова зацвели красными знаменами. Красное знамя стало государственным флагом нашей родины, стягом великой республики рабочих и крестьян.

Двадцать пять лет реет победное алое знамя над Советской страной, над героическими полками и дивизиями доблестной Красной Армии, над грозными боевыми кораблями нашего славного Военно-Морского Флота. Оно зовет нас к труду и борьбе, оно осеняет в бою, оно вдохновляет сейчас на новые подвиги в великой отечественной войне, которую мы ведем против немецких захватчиков.

В суровую пору гражданской войны, когда петроградские пролетарии героически защищали свой город от врага, подступившего к воротам революционного Питера, VII Всероссийский Съезд Советов наградил Петроград Боевым красным знаменем. Вручать знамя приехал Михаил Иванович Калинин. Он говорил тогда:

«Товарищи! VII Всероссийский Съезд Советов при назначении этой почетной награды понимал, что, вручая знамя, он подвергает его опасности, ибо это знамя становится на первом валу при столкновении с врагами красного Петрограда. Это знамя не защищено крепостными валами, оно является желанной мечтой врагов красного Питера, которые готовы в каждый момент снять его, растоптать и уничтожить. Но петербургский пролетариат в прошлом и настоящем показал всему миру свою способность к революционной борьбе. И, товарищи, вручая это знамя, я могу сказать, что все рабочие и крестьяне могут быть вполне уверены в том, что питерские рабочие, закаленные в борьбе, никогда не отдадут врагам народа этого Красного Знамени. Они привыкли брать, но не отдавать».

Петроград не отдал врагу боевого красного знамени. Не отдал его Ленинград. Не запятнали наше славное красное знамя и героические защитники Одессы, Севастополя и Сталинграда, о которых мы рассказываем в этом номере «Смены».

Русские воины не один раз брали знамена врага, но своих знамен они не отдавали никому. Так было в прошлом. Так до последней капли крови защищают свои знамена воины Красной Армии, ведущие смертельный бой с проклятыми немецкими захватчиками.

Недавно Президиум Верховного Совета СССР утвердил новый образец красного знамени воинских частей Красной Армии. На этом знамени начертано: «За нашу Советскую Родину». С ним, с этим непобедимым знаменем, на котором горит кровь тысяч сынов Советской отчизны, мы вступаем в новый, 1943 год. Впереди ещё жаркие битвы и суровые испытания. Но мы не страшимся их. Под великим красным знаменем дорога у нас только вперед — к нашей грядущей победе!

Мы защитим тебя, Карелия родная!

Ю. Андропов,
секретарь ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР

Полтора века тому назад жившему в Петрозаводске олонцкому губернатору поэту Державину царский наместник прислал «Инструкцию разведения лесов и лесонасаждений». Державин хорошо знал Карелию и поэтому, прочитав «Инструкцию», удивился:

— Разводить леса в Карелии?

Усмехнулся и написал на «Инструкцию» крупно и размашисто: «Не токмо не почитаю нужным насаждать новые леса в сем крае, но полагаю сие невозможным, ибо и без этих мер край наполнен лесами дремучими и непроходимыми».

Сказкой за семью печатами была Карелия. О ней знали только по рунам «Калевалы»:

Много снега на Похьёле.

Много льду в деревне холодной.

Снега реки, льда озера —
Там блестит застывший воздух.
Зайцы снежные там скачут,
Ледяные там медведи
На вершинах снежных бродят».

Природным богатствам Карелии могла позавидовать любая европейская страна. Здесь много порожистых рек — они могли бы давать «белый уголь» десяткам электростанций. Но драгоценная энергия пропала. В могучих лесах старые деревья мешали расти новым, молодым: лесным хозяйством никто не занимался. Невысокие горы Карелии хранили в себе огромные запасы гранита, мрамора, диабазы, гнейсов, титаномагнетитовых руд — все эти богатства ждали прихода разумного хозяина.

Советская власть разбудила дремавшие

силы природы, она заставила их служить народу. За годы революции неузнаваемой стала наша страна. Выросли десятки фабрик, заводов, рудников, в глухих лесных селениях, так называемых «медвежьих углах», появились школы, больницы, клубы. Большой социальный жизнью зажил карельский народ и о безрадостном прошлом вспоминал он только в песнях, суровых и простых, как сам край. Росла и развивалась молодая Карело-Финская республика. У нее было прекрасное настоящее и еще лучшее будущее.

На фронт!

22 июня 1941 года был день, как все дни,— и вдруг все стало другим.

Кончилась мирная пора; грозовые тучи войны надвинулись на наше небо. Война стала суровой реальностью.

Мы многому научились за полтора года войны, много потеряли, но много и приобрели. А главное — мы только теперь полностью поняли, что мы имеем и чего нас хочет лишит подлый враг. И именно это стало неиссякаемым источником патриотизма нашей молодежи.

Вспоминаются первые дни войны. На одну пограничную заставу пришли девушки из соседнего села. Пришли в праздничных, нарядных платьях и сказали:

— Мы будем с вами. Вместе будем отстаивать границу. Дайте винтовки: стрелять ведь вы сами нас научили.

И они сражались храбро и стойко, помогая бойцам отражать бешеный напор врага.

Когда по инициативе ЦК ЛКСМ в республике создавался комсомольский лыжный батальон, нам пришлось выдержать буквально натиск добровольцев. Отбор в батальон был строгий. Брали только самых выносливых, самых здоровых, самых сильных лыжников. Неприятные протестовали, просили пересмотреть решение, всячески доказывали, что их место на линии огня. Когда медицинская комиссия установила, что из-за ревматизма ног комсомолец Вильнит не может быть принят в лыжный батальон, Вильнит пришел в отчаяние. Он просил отменить решение комиссии, он писал в своем заявлении, что умеет легко ходить на лыжах что ноги у него не болят, а сердце он «просто не чувствует», что у него, наконец, отец в армии, а мать и сестра защищают Ленинград и что поэтому он не может быть в стороне от грозных событий.

Больше половины комсомольцев Карело-Финской республики ушло на фронт. Нередко уходили сразу целыми организациями (так сделали комсомольцы больницы города Беломорска), иногда по одному человеку, но так дружно, что оказывалось: все ушли на фронт. Так было в колхозе имени 1 Мая Медвежьегорского района. По двое,

по-трое, по-одному уходили комсомольцы. И вдруг получаем полное возмущения письмо секретаря колхозной комсомольской организации Володи Мосягина: ему отказали в зачислении в армию. Все его комсомольцы приняты добровольцами, а его не берут...

Володя Мосягин пять раз подавал заявления об уходе в армию — и пять раз ему отказывали. Наконец, ему сказали: «Создай комсомольскую организацию в колхозе, оставь смену — тогда отпустим». И когда Володя Мосягин был призван, то в колхозе осталась дружная комсомольская организация, насчитывавшая одиннадцать юношей и девушек.

Когда враг подошел к родным местам, комсомольцы шли в партизанские отряды. В партизанских отрядах встречались секретари горкомов, райкомов, члены ЦК ЛКСМ и просто рядовые комсомольцы. Их дружба крепла, они мужали в боях и походах.

Организатором партизанского отряда «Вперед» был секретарь ЦК ЛКСМ Вахромеев. Великолепным примером самоотверженного служения родине является жизнь Вахромеева, павшего смертью храбрых за честь и свободу отчизны. Вспоминая, как вел себя этот бесстрашный человек в бою, молодые партизаны с гордостью прибавляют в конце своего рассказа: «Он был секретарем ЦК».

Их пример зовет

В Карелии нет человека, который не знал бы о замечательном подвиге комсомольца Героя Советского Союза Петра Тиккиляйна. И когда хотят сказать о верности, о беззаветном служении родине, называют его имя. История его подвига коротка. Младшему сержанту Петру Тиккиляйну был доверен рубеж. С ним на этом рубеже находилось еще девять человек. Силы врага были во много раз больше. Петр Тиккиляйн остался на месте: не мог он пустить врага на родную землю! Он посмотрел в глаза своим товарищам — девять пар глаз смотрели на своего сержанта, и у всех он увидел одно желание — стоять насмерть.

Можно было бы сказать, что они дрались, как львы; но они дрались, как комсомольцы. Когда не было патронов, когда не было гранат, когда сломались приклады, помогли ножи. Десять комсомольцев сдерживали натиск во много раз превосходящего их врага. Артиллерийский и минометный огонь был направлен против горстки храбрецов, но они не отступили. Отступил враг. Отступил беспорядочно, оставив на поле боя 73 трупа солдат и офицеров, 5 пулеметов, 4 автомата и 38 автоматических винтовок.

Пример выдержки и стойкости показал комсомолец-пулеметчик Кювалов. Дело

было так. Враг пошел в атаку. Пулемет Коновалова работал безотказно, и фашисты несколько раз отходили. В эти минуты Коновалов отдыхал, а потом опять поливал санином поднимающиеся цепи вражеских солдат, и они не могли к нему подойти.

Но вот пулеметчика ранило. Коновалов потерял сознание. Затем, придя в себя, он увидел: опять идут. Превозмогая боль, он стал стрелять. Еще одной пулей ему разбил руку. Зубами он поднял предохранитель, а правой рукой нажал гашетку — и пулемет продолжал работать. И работал до тех пор, пока враг не отступил...

Взвод пограничников ворвался в расположение обороны противника. Отделение комсомольца Плюгина прикрывало наступление с тыла. Неожиданно совсем с другой стороны застрочил вражеский пулемет, открыли огонь автоматчики. Пограничники залегли. Комсомолец Плюгин быстро оценил обстановку и принял смелое решение: вместе со своим отделением он стремительно бросился в обход и неожиданно для врага появился у него в тылу. Пограничники закололи штыками прислугу пулемета, заняли окоп и из вражеского же пулемета открыли огонь по противнику. А потом пошли в атаку. Плюгин первым ворвался в окопы второй линии обороны врага, уничтожил огневую точку, штыком заколол четырех солдат и живым захватил офицера.

Говорят: «Смелость города берет». Но быть смелым — это не значит очертя голову бросаться вперед. Только умелое сочетание смелости, осторожности и точного расчета дает положительный результат. Тот, кто все предусмотрит и не растеряется ни при каких обстоятельствах, оказывается хозяином положения. Комсомолец Кирьянахо — смелый, отважный разведчик, но каждую операцию он тщательно готовит. О нем можно много говорить, и, может быть, то, что мы расскажем сейчас, — не самое лучшее, что сделал на войне этот славный патриот.

Кирьянахо получил важное задание: надо было проникнуть в расположение переднего края обороны противника.

Он подобрал себе товарищей и вместе с саперами начал подготовку. Нужно было снять мины, разрезать проволоку и, таким образом, открыть проход к позициям врага. Работали по ночам. Саперы ползли впереди, находили мины и снимали их. А за саперами пробрались разведчики.

Ночи были беспокойными: то и дело взлетали в небо немецкие ракеты. Разведчикам приходилось работать буквально на глазах у врага. Наконец подготовка была окончена. С наступлением темноты Кирьянахо и шесть бойцов отправились в путь.

В расположение переднего края противника проникли незамеченными. Все было тихо и спокойно. Бойцы ползли к землянкам, а Кирьянахо шел во весь рост, не оглядываясь. Товарищи следили за ним и

ждали сигнала. Наконец он подал знак занять свои места у землянок. В этот момент прямо перед Кирьянахо вырос вражеский часовой. Кирьянахо не растерялся, он по-фински сказал, что проводит тактические занятия. Это отвяло несколько секунд и не вызвало шума.

Потом часовой был уничтожен... После этого уже не представляло особого труда забросать землянки гранатами. Операция длилась всего около 20 минут. Разведчики уничтожили за это время 35 вражеских солдат и захватили одного «языка».

Комсомольские „вторники“

Близость фронта нас ко многому обязывает. И мы прилагаем все усилия, чтобы помочь нашим бойцам крепче бить врага.

Весной для армии повалобились накомарники. Комсомольцы стали их изготовлять. Было объявлено соревнование. Оказалось, что маленькая Аня Филиппова из Медвежьегорского района работала лучше всех. Она вместе с Хурме Аине организовала бригаду девушек, которая сдала армии 530 накомарников.

Армии нужны маскировочные халаты — комсомольцы шьют халаты. Нужны мины ящики — делаем ящики. Испортилась дорога — бойцы зовут на помощь комсомольцев. Что еще делают комсомольцы? Ремонтнируют лыжи, строят стандартные бани, стирают, чинят белье бойцам...

Летом наши комсомольцы взяли себя сделать для армии несколько тысяч колец для лыжных палок. Вначале всем нам показало, что это дело нетрудное. Но пришлось немало поработать. Готовые кольца приносили в райкомы, и там они лежали большими связками, как бараки, ввинченные на веревку. Из райкома кольца отсылали на заводы. Лучше всех работала комсомолка Пудожского района Секретарь райкома Рита Руоколайнен сумела организовать работу так, что она была выполнена и хорошо и в срок.

К зиме комсомольцы республики взяли обязательство восстановить старое обмундирование бойцов. Норм не было, но каждый старался сделать как можно больше и лучше. Сотрудницы Наркомфина республики Шестихина, Сохина и Харина починили по 50 подшлемников и по 30 пар рукавиц.

В первые дни войны комсомольцы лесозавода № 2 решили каждый вторник, по окончании рабочего дня, собираться и работать для фронта. «Вторники» очень быстро стали традицией.

Комсомольцы стараются помогать фронту всем, чем могут. Вот очень показательный пример. Из одного прифронтового селения было эвакуировано все население. Остался один председатель сельсовета —

Карельский фронт. Суровая природа, камни и валуны. Молодые пулеметчики идут на новую огневую позицию; медленно, шаг за шагом продвигаются они вперед.

наблюдать за посевами. Рожь дружно взошла и, перезимовав, росла как на дрожжах. Но председателя сельсовета это не радовало. Он ходил мрачный, как туча. И вдруг в селение приехала комсомольская бригада, посланная райкомом комсомола. Комсомольцы разместились в домах, из труб пошел дым. Председатель сельсовета пришел и спросил:

— Вы что?

Федя Ларькин ответил:

— Будем убирать хлеб. Я бригадир Ларькин, познакомимся.

Председатель сельсовета повеселел.

Хлеб убрали и сдали в фонд Красной Армии.

На Бумажном комбинате города Сегежа по инициативе райкома комсомола 32 девушки-комсомолки, выполнявшие раньше неквалифицированную работу, стали токарями, слесарями, фрезеровщиками и с первых же дней прекрасно справляются со своей новой работой. Молодые работницы Шаванина, Пашова и Козырева выполняют нормы на 300 процентов. Не так давно эти девушки хорошо усвоили программу Всезобуча и сейчас изучают специальности связистов, пулеметчиков, медсестер, свайперов.

В сложных прифронтовых условиях работает коллектив железной дороги. Прекрасно и самоотверженно трудятся комсомольцы-железнодорожники. И не случайно многие из них награждены боевыми орденами. Среди орденосцев-комсомольцев мы находим имена электромеханика Леесонена, заместителя начальника службы движения

Олешко, начальника диспетчерской смены Меккелева, руководителя комсомольско-молодежной смены станции Матвеевко, машиниста Кириюшкина. Этих людей враг не запугал бомбежками. Они спокойно и уверенно делали свое дело и под свист бомб и под вой мин.

Хочется еще сказать несколько слов о комсомольцах колхоза имени Сталина. Когда фронт придвинулся почти вплотную к колхозу, немцы стали обстреливать и бомбить село. Тогда по инициативе председателя сельсовета комсомолки Дегтяренко юности и девушки стали рыть землянки. Рыли со знанием дела: комсомольцы научились этому у бойцов расположенной недалеко части.

И вот колхозники стали жить под землей.

Жили и работали: посеяли и сняли урожай. В этом колхозе пятнадцать комсомольцев. Они тесно связаны с соседней воинской частью. Помогают бойцам, чем могут: шьют маскировочные, вещевые мешки, накомарники, чинят лыжи, стирают белье. А бойцы учат их военному делу. Как-то прилетел фашистский самолет и с бреющего полета стал обстреливать работающих на поле колхозников. Четверо комсомольцев, взяв винтовки, стали стрелять по самолету. Фашистский стервятник поднялся за облака и улетел не солоно хлебавши.

Шумят леса

Тяжело воевать в лесах Карелии: топкие болота, глубокие озера, непроходимые ча-

ши. Но смелых трудности не страшат. И вьются партизанские цепочки, вьются по лесам, по болотам. Все видят глаза партизан, все слышат их уши, и руки творят свое дело — дело народной мести.

Сергею Ж. восемнадцать лет. Он рослый, немного мешковатый на вид парень. А в бою он словно преображается: действует быстро, точно, расторопно.

В последнем походе Сергей Ж. захватил две ракеты и миномет. Одну ракету он, по его словам, захватил случайно. Отряд натолкнулся на белофиннов. Завязалась перестрелка, а у Сергея все патроны кончились, и второй номер куда-то пропал. В диске осталось два патрона, а командир приказал: «Чтобы пулемет работал!» Сергей бросился искать пулеметчика и заметил группу белофиннов. Их было шестеро — он один... Отступить? Он об этом и не подумал.

Сергей смело пошел на врага. Он бежал, с шумом раздвигая ветки и крича:

— За мной! Вот мы сейчас их живьем возьмем! Ура!

Когда он выскочил на опушку леса, здесь все было пусто. Финны убежали, и он слышал треск ломающегося хвороста

под их ногами. И вот тут-то он заметил ракету...

За мужество и храбрость в боях с фашистскими захватчиками молодой партизан Сергей Ж. награжден орденом Ленина.

Николая П. послали с устным донесением. Он повторил донесение и пошел. На пути лежало озеро. Оно только что покрылось льдом и было гладким, блестящим. Очень скоро Николай заметили враги и открыли огонь из пулемета и миномета. Он полз не останавливаясь. Но вот перед ним стала сплошная завеса огня. Тогда он притворился мертвым. Долго лежал. А когда все стихло, отодрал ото льда примерзшие полы маскхалата и стал пробираться дальше. Он прополз по-пластунски 1500 метров, потом 25 километров прошел по лесу и в срок доставил донесение.

Партизаны заняли деревню В.

Так защищают родную Карелию комсомольцы.

Сегодня, как и в тот день, когда война пришла к нашим границам, мы уверены: победа будет за нами. И мы не пожалеем ни своих сил, ни своей жизни, чтобы желанный час победы наступил быстрее.

„Героя и по имени знаю“

Во время итальянского похода, в городе Вероне, Суворову представились начальники армии. Великий полководец стоял зажмурившись, и, когда ему называли фамилии генералов, ничем не заявивших о себе на военном поприще, он, не открывая глаз, говорил:

— Помилуй бог — не слышал!

Назвали Багратиона.

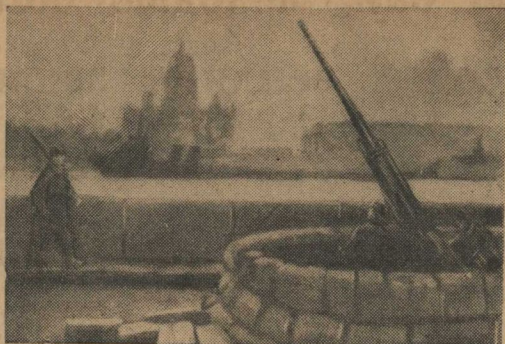
Суворов взглянул на него и сказал:

— Князь Петр.

Затем обнял его, поцеловал в глаза и губы и добавил:

— Героя и по имени знаю.

У растроганного Багратиона на глазах показались слезы.

Зенитки на набережной Невы.

Рисунок А. Белухи

Винтовки нам вручил народ

В. Лившиц

Когда на наши рубежи,
На наши города
Напала, заноса ножи,
Разбойничья орда,
Винтовки нам вручил народ
С приказом — бить врагов!
И мы пошли. И наш поход
Был труден и суров.

Мне не забыть, как в первый раз
Я в ствол загнал патрон.
Как роту вел фашист на нас,
Как наземь рухнул он!
Из боя в бой бросался я
И возмужал в огне.
Винтовка верная моя
Не изменяла мне!

Разведка

Она монолитна. В ней каждый боец
Подобран один к одному —
Одиннадцать самых горячих сердец
Разведка уносит во тьму.
Бесшумно и мягко пружинят шаги,
Глаза привыкают ко мгме...
Уходит разведка туда, где враги
Зарылись в советской земле.
И пусть автоматчик опять и опять
Со страху строчит наугад,
Разведку ему не накрыть, не поймать —
Разведка вернется назад.
Чтоб утром туманным, когда, словно
лед,
Мерцают полоски штыков,
Пехота — в едином порыве вперед! —
Пошла по следам смельчаков,

Месть

Где ступит враг, —
Дымит костер.
Куда войдет он, —
Пепелища...
Но за растерзанных сестер,
За оскверненные жилища,
За пытки раненых бойцов,
За дом, что бомбами повален,
За наших братьев и отцов,
Нашедших смерть среди развалин,
За каждую святую пядь,
Где немцем выбита воронка,
За девочку, что кличет мать,
За мать, лишенную ребенка,
Нам сердце гордое велит:
— Вперед! Вперед! За дело чести!
В пожаре всенародной мести
Заклятый враг сгорит, сгорит!..

Слава вам, молодые богатыри русской земли — защитники Ленинграда и Одессы, Севастополя и Сталинграда!

Четыре из пяти

Про человека, который прошел не согнувшись, с гордо поднятой головой через все испытания судьбы, говорят: «Он мужественный человек». Мы повторяем это сегодня, когда произносим славное имя — Ленинград.

Много бессмертных подвигов совершали люди во все времена. Но нет величественнее подвига Ленинграда. Перед его мужеством преклоняются во всех уголках земного шара. В измученной Франции мать говорит своему ребенку: «Не надо падать духом. Мы должны быть такими, как ленинградцы». Именем великого города клянутся партизаны Югославии.

Ленинград изранен. Стены его дворцов выщерблены осколками снарядов. Он опален дымом многомесячной битвы. Но он все такой же гордый в своей неприступности и неприступный в своей великой стойкости.

Про смелого бойца, отразившего в неравной схватке ураган вражеского нашествия, скажут: «Герой вышел из боя победителем». Мы с благоговением говорим это сегодня о великом городе Ленина!

Все ленинградцы: и старые и молодые — защищают свой город.

Каждые четыре из пяти комсомольцев Ленинграда сражаются на передовых позициях. Они сказали: «Мы отдадим весь жар своей крови, всю силу своей души, чтобы уничтожить немецких разбойников. Немцы принесли нашему городу неисчислимые страдания и горе. Мы будем бить их до тех пор, пока не вобьем их в землю всех, до единого». И они отважно сражаются, наши молодые ленинградские друзья.

Младший лейтенант комсомолец Петр Харитонов первый в Отечественной войне протаранил вражеский самолет. Винтом своей машины он на высоте пятидесяти метров обрубил хвост немецкому хищнику, а сам благополучно совершил посадку. Прошло два месяца, и летчик снова таранил немецкий бомбардировщик, на этот раз ударом крыла своего самолета. Правительство присвоило Харитонову звание Героя Советского Союза, и его грудь украсили орден Ленина и медаль Золотая звезда.

Комсомольцы Ленинградского фронта первыми начали движение, получившее название «Кто больше истребит немцев?» Начало движению было положено хорошее: двадцать семь комсомольцев одной части только за два месяца отправили на тот свет полторы тысячи гитлеровцев.

Вражья пуля сразила героя-комсомольца Феодосия Смолячкова, но память о нем наш народ сохранит навсегда. Сын Белоруссии, он девятнадцатилетним юношей работал на стройке Ленинграда. Как только раздались первые выстрелы, Смолячков пришел в военкомат и сказал:

— Хочу в армию, защищать мой город!

Его взяли поваром, но вскоре он стал разведчиком. Отправившись в секрет, он сказал:

— Обязательно выслежу «кукушку» и уничтожу ее.

Смолячков сдержал свое слово; он убил немца. Это было начало. Он уничтожил сто двадцать пять врагов.

Одно имя Смолячкова наводило на гитлеровцев ужас. Они обещали за его голову высокую награду. Они охотились за ним в одиночку и целыми группами. А однажды на него двинулись сразу два вражеских взвода. Комсомолец Смолячков забросал их граватами, но сам ушел невредимым.

Великий греческий мудрец Фалес говорил когда-то: «В счастье не следует быть чрезмерно самоуверенным, а в беде не следует терять уверенность».

Юные ленинградцы жили счастливой жизнью, но они готовились к грядущим битвам. А когда настало время испытаний, они не потеряли уверенности и не пали ниц. Война сделала их старше, они еще больше полюбили свой город и в этой горячей любви нашли ту уверенность, которая рождает победу.

Ленинград защищается не только на фронте. Топливо городу — это то же, что снаряды фронту. Заготовить топливо — значит победить, победить врага в самом городе. Комсомольцы Ленинграда хорошо понимали это и тысячами шли в лес рубить дрова. И они спасли Ленинград, дав ему тепло...

«Товарищ!

Тебе, бойцу комсомольской бытовой бригады, поручается забота о тех, кто на-

более тяжело переносит лишения, связанные с вражеской блокадой нашего города.

Эта забота о детях, женщинах и стариках — твой гражданский долг. В этом сегодня выражается твое участие в защите своего родного города, в спасении жизни и здоровья его граждан, в помощи героической Красной Армии...

Помоги учесть ослабевших и больных жильцов, в особенности в семьях красноармейцев;

организуя доставку воды в эти семьи для приготовления пищи и мытья;

помоги больным приготовить чай и пищу, получить хлеб и продукты в магазинах, помоги получить дрова и доставить их на место;

окажи содействие по вызову врача к больному...

устрой детей-сирот в детский дом или ясли...

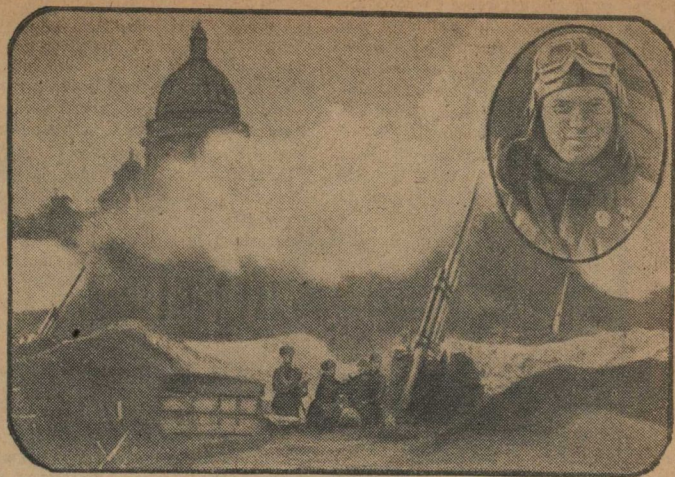
Улучшая жизнь и быт ленинградцев, с честью неся высокое звание члена Ленинского комсомола, не гнушайся трудной, черновой работы, сделай все, что можешь, чтобы наш великий город снова был чистым и благоустроенным, а его население — здоровыми, бодрыми и жизнерадостными людьми, мужественными и сильными защитниками своего любимого города.

Так требовала памятка бойца комсомольской бытовой бригады. Так поступал каждый комсомолец, который провел зиму в осажденном немцами городе.

Еще не рассеялись над Ленинградом черные тучи. Впереди жестокие сражения и тяжелые испытания. Молодые защитники Ленинграда готовы ко всему.

Пройдут года, люди забудут позорные слова «гитлеровец», «фашист», но гордое имя «защитник Ленинграда» будет жить в веках. Дети, встретив на улице человека, грудь которого украсит медаль «За оборону Ленинграда», почтительно снимут перед ним шапки и скажут:

— Это победитель. Он был в Ленинграде.

..Дым стлался у Исаакя, яростно били зенитки, и отступал воздушный пират, появившийся над Ленинградом. А в высоком небе фашистского летчика уже ждал советский истребитель, и горе было врагу, если штурвал истребителя держал Герой Советского Союза комсомолец Петр Харитонов.

Девушки города Ленина взяли в руки винтовки. И винтовки не дрогнут в умелых руках.

«Отстоим от огня дома и дворцы Ленинграда, творения великих русских зодчих» — так поклялись ленинградские комсомольцы — бойцы пожарных дружин.

Здесь никогда не пройдет враг! У стен прославленного «Красного путиловца» выросла баррикада — рубеж, где люди готовы стоять насмерть.

В море и на суше храбро бьются с врагом молодые балтийцы — защитники Ленинграда.

...Снаряды прорезывают густую тьму и рвутся над головами немцев. Это ведет огонь пушка балтийского артиллериста Ф. Шелеста. мужественного и умелого командира.

«Враг у ворот Ленинграда!» — напоминает плакат. Это значит: работай без устали, все силы отдай родному городу, выстой, не отступи!

Несколько десятков тяжело раненых советских бойцов вернула к жизни ленинградская студентка, санинструктор Н-ской части Вера Лебедева. В жестоком бою она всегда приходит на помощь воинам, защищающим ее родной город.

Имя комсомольца Владимира Печинцева, ленинградского студента, истребившего 152 фашиста, популярно теперь в Англии и Канаде, в Америке и Китае. Это—даны уважения всего мира героической молодежи Ленинграда.

— Закуривай, ребята!

Только что закончились военные занятия молодых бойцов рабочего отряда киросцев.

Через час эти юноши станут к машинам. Фронту нужно оружие. И его будет столько, сколько нужно, чтобы испепелить орды Гитлера под Ленинградом.

До последней гранаты

Их было девять, молодых и жизнерадостных ребят, девять комсомольцев: Лева Руднев с завода имени Ильича; Николай Дорохов с табачной фабрики; Николай Капустянский, Иван Полозов и Тихон Коляда — портовые грузчики; Нина Воскобойник — модистка из «ателье мод»; парикмахер Александр Пясецкий, Семен Трунов с канатного завода и маленький коренастый паренек в матросской бескозырке — Павлуша Гарбузов. Он и был командиром этого небольшого, но крепко сплоченного отряда.

Комсомольцы дрались на подступах к Одессе. Они держали в своих руках высоту, преграждавшую путь врагу. Горстку храбрецов бомбардировали с воздуха, по ним били из орудий и минометов. Шестнадцать раз шли немцы и румыны в атаку на высоту. Но каждый раз Павлуша Гарбузов кричал: «Огонь!» — и вражеские цепи откатывались назад.

Павлуша Гарбузов и Александр Пясецкий дежали оба у ручного пулемета. Это был тот самый пулемет, который Павлуша притащил из немецкого окопа и, отдав его Александру, сказал:

— Получите настоящий пульверизатор!

Тяжело было перетаскивать с места на место трофейный пулемет Пясецкому: его мучил кашель. От тяжелой ноши он задыхался, терял силы и только нечеловеческим усилием воли мог заставить себя забить о своем недуге. Как только начиналась новая атака немцев на высоту, Пясецкий жадно затягивался, обжигая губы и пальцы крохотным окурком, а потом начинал яростно подбивать немцев из своего «пульверизатора». Пулеметчик он был отличный — даже Нина Воскобойник едва успевала набивать ему диски.

На левом фланге лежали самый молодой из девяти — Лева Руднев (ему недавно минул девятнадцатый год) — и самый взрослый — Тихон Коляда, двадцатитрехлетний, могучего телосложения одесский грузчик. Лева часто получал записки из города и читал их, уединившись. Он был метким стрелком, этот восторженный юноша. И надо было видеть, каким огнем загорались его глаза, когда падал сраженный меткой пулей вражеский солдат!

...Шли пятые сутки неравной, жестокой борьбы. Редели ряды комсомольцев.

Не было уже в живых веселых грузчиков, не чадил махрой парикмахер Саша, а Павлуша Гарбузов полужелез на дне окопа. Он держал правую руку на груди и отплевывался кровью. Чуть приподняв израненное лицо, Гарбузов тихо сказал:

— Нина, ты уходи и передай нашим: все погибли как герои. А мы с Левой сами...

Гарбузов еще надеялся встать, стрелять, драться. Но пока Лева вынимал из кармана погибших их документы и комсомольские билеты, он тихо, без стопа умер.

Лева завязал в окровавленный платок семь комсомольских билетов, вложил туда свой, восьмой, и отдал Нине:

— Пожалуйста осторожно: слышишь, опять гудят...

На высоту взбирались немецкие танки. Это была семнадцатая атака.

Краснея и запинаясь, Лева сувул в руку Нины записку:

— Это сдашь в райком... Они передадут одной девушке... Я пошел.

Эти слова он сказал уже на ходу. Крепко сжав в руке гранату, он бросился наперерез танкам.

Так героическая окончилась эпопея маленького отряда комсомольцев, самоотверженно защищавших оборонительный рубеж на подступах к родному городу.

История обороны Одессы знает немало таких замечательных подвигов. Оглядываясь сейчас назад, мы вспоминаем с гордостью моряков-комсомольцев, сражавшихся под командованием капитана Ламазина. Враг двинул на небольшой отряд двенадцать танков, три танкетки, пехоту. Восемь часов вел капитан Ламазин неравный бой с противником. В жестокой схватке моряки-комсомольцы уничтожили два танка, убили двести румынских солдат и офицеров. Только четыре комсомольца остались в живых из всего отряда. Но свое дело отряд храбрецов сделал — румыны отступили.

Наш народ сохранит в памяти имя комсомольца младшего сержанта Александра Нечипуренко. Он один оставался на высоте, которую осаждал враг, рушившийся к Одессе. Почти сутки комсомолец удерживал рубеж, сохраняя выдержку и самообладание в часы, когда вокруг него бушевал огонь и земля глухо стонала от разрывов снарядов.

— Как обстановка? — спросили его по проводу.

— Сосредотачивается пехота. Готовятся атака.

— Продержитесь до вечера?

— Мы отсюда не уйдем! — ответил комсомолец.

Он не просил помощи: он знал, что батальон не имеет резервов. Он не сказал, что он один защищает высоту. Он решил стоять насмерть, драться до последней возможности, до последней пули и гранаты.

Он так и сделал. Он удерживал рубеж до тех пор, пока в нем билось сердце мужественное, отважное сердце воина-комсомольца.

Одесса военного времени, оштетинившаяся и забаррикадированная, город, где обессмертили себя в боях тысячи безвестных героев.

Утром комсомольцы строили на улице баррикаду, к вечеру здесь разгорались бои, и защитники Одессы еще раз отбивали одну из многих атак фашистов.

Шли машины и вездеходы к окраинам Одессы. Прямо с марша бросались в бой отважные морские пехотинцы и дрались с врагом до последней пули, до последнего биения сердца.

Вы помните Одессу — солнечный, зеленый город на берегу Черного моря? Вот уже больше года прошло с того времени, когда здесь гремели бои. Но слава о героях Одессы не померкла!

Враг иступленно лез к городу. Ни на минуту не затихало глухое уханье снарядов, рвались фашистские бомбы на улицах, цепи немцев и румын атаковали наши позиции, откатывались назад под ураганным огнем и — снова атаковали. И в этом пекле боев беспримерные подвиги совершали молодые красноармейцы, моряки, командиры.

...Одесса, родная и забываемая! Ты пленена врагом, но ты не сдавалась. Немногие жители твои, оставшиеся в городе, до сих пор с благоговением вспоминают защитников Одессы, и ждут их с победой.

Они придут, и этот час недалек.

Мы никогда не забудем бесстрашных черноморских моряков — защитников Одессы. Они бились в море и на суше, их батареи обрушивали тонны раскаленного металла на врага... А кто не запомнил черноморских летчиков, снайперов, связистов!

Черноморец — это слово звучит как легенда. Краснофлотец — это значит храбрейший из храбрых. Защитник Одессы — это значит герой.

...Он был сильно ранен. Несколько раз его пытались увести в каюту, но капитан-лейтенант П. Бобровников не покидал мостика. Корабль своими залпами подавил батареи противника у Одессы и благополучно вернулся на базу.

Дети Одессы ловкие и неутомимые. Помощники защитников города, разведчики и связисты, они ходили с донесениями, строили баррикады на улицах родного города.

Они со слезами на глазах прощались с Одессой. И они вернутся в свой город, обязательно вернутся!

Севастопольцы

Если боец до последнего вздоха боролся один против целой своры врагов и погиб в неравной схватке, не выпустив оружия из кочeneющих рук, о нем не скажут: он побежден, — о нем говорят: он пал, но победил. Севастополь двести пятьдесят дней дрался против несметных вражеских полчищ. Зажатый в железные клещи блокады, он яростно отражал штурм за штурмом, устилая сухую крымскую почву трупамн гитлеровских солдат. Город истекал кровью; с грохотом рушились его здания; стонала под непрерывными ударами бомб и снарядов земля; взлетали в воздух дзоты, редуты, казематы. Но Севастополь продолжал жить и бороться. Он дрался, пока мог. Нет, гораздо дольше, чем мог. Севастополь сделал невозможное.

В историю он войдет под гордым именем «Город-герой». Ибо героем был каждый севастополец, каждый комсомолец, независимо от того, где, как и каким оружием защищал он родной город. Героями были выдавшие виды бойцы переднего края и подростки-школьники, тушившие под обстрелом вражеские «зажигалки», храбрые разведчики, проникающие в самое логово фашистского зверя, и молодые стхановцы, ни на минуту не прекращавшие производство боеприпасов.

Комсомолка Мария Байда огнем своего автомата уничтожила пятнадцать фашистов, а потом в рукопашной схватке прикладом уложила еще четырех гитлеровцев. Мария Байда за ее подвиг присвоено звание Героя Советского Союза. У юного севастопольца пионера Мазура не было оружия: он еще слишком мал, чтобы воевать. Но и он активный участник севастопольской обороны: мальчик подбирал с поля боя раненых и вывозил их на своем ослике.

День и ночь рвались снаряды, мины, бушевало пламя пожаров, а внизу, под землей, в штольнях, работали станки, со скрежетом вгрызаясь резец в металл: севастопольские комсомольцы делали оружие для защитников города.

Танкист Соболев был тяжело ранен в бою. Воевать он не мог, но оставаться в стороне он тоже не хотел — Соболев организовал на оборонном заводе комсомольско-молодежную смену. В дни, когда гремела, не смолкая, артиллерийская канонада, его смена выполняла производственные задания на двести — двести пятьдесят процентов.

Однажды на завод, где выпускались боеприпасы, упала бомба. Осколками

убило секретаря комсомольской организации Чумака, ранило нескольких работниц, но производство ни на минуту не остановилось. На место выбывших из строя встали новые люди — недавние школьники. В этот день завод дал продукции больше, чем обычно.

Нет такой опасности, перед которой дрогнуло бы сердце севастопольского комсомольца! Нет такой силы, которая могла бы сломить дух молодых защитников черноморской твердыни!

...К маленькой телефонной станции прорвалось шестьдесят немецких автоматчиков с двумя пушками. На станции было всего тринадцать человек: девушка-телефонистка и двенадцать краснофлотцев.

Телефонистка не покинула поста.

— Передайте нашим, — спокойным голосом сообщила она на центральную телефонную станцию, — что к нам пробрались фрицы. Идет бой. Шестерых уже уложили — вот они лежат недалеко от меня.

Около десяти часов удерживала горстка храбрцев телефонную станцию. Истребив больше половины немецких автоматчиков, ночью они ушли на присланном за ними катере. Станцию перед уходом взорвали.

Где предел человеческих возможностей? Есть ли границы бесстрашия, мужества, самопожертвования?

— Нет! — всеми своими делами, каждым биением своего сердца отвечают молодые севастопольцы.

Любовь к родине безмерна, величие подвига безгранично!

Пятеро моряков-комсомольцев, обвязавшись гранатами, бросились под наступавшие немецкие танки и подорвали их на своих телегах. Такой же величественный поступок совершил комсомолец боец Девитяров. Он смело вступил в поединок с фашистскими танками. Расстреляв все боеприпасы, Девитяров, почти безоружный, не ушел с поля боя. Он знал: пропустить танки нельзя. Три гранаты оставались у молодого героя. Привязав их к поясу, он бросился к ближайшей машине и взорвал ее.

Пройдут века, но никогда не изгладится из памяти история дзота № 11.

...Враг изо всех сил старался захватить важную высоту, чтобы отсюда ворваться в город.

Ночью в блиндаже было созвано комсомольское собрание части, оборонявшей этот участок фронта. Было принято такое решение:

«Над нашим родным городом, над главной черноморской базой, над всеми

ЗА РОДИНУ, ЗА ЛЮБИМОГО СТАЛИНА,

Простерты всех стран, соединяйтесь!

МЯК КОММУНЫ

Орган Севастопольского Горкома ВЛКСМ и Горсовета

Понедельник, 8 июня 1942 г. № 51 (8490) Цена 15 к.

Комсомолец и молодежь геронимского Севастополя

Дорогие товарищи!
Центральный Комитет Комсомола шлет вам—любимым защитникам героического города, большае привет!

Древнейший боевой, непоколебимый район города подвигами на Севастополе, которые, не щадя своей жизни, вынуждают каждую пядь вашей сплоченной почвы, работают по ударному заданию в тяжелых условиях осад.

Севастополь всегда был городом-героем, городом, с которым связаны многие героические страницы нашей истории нашей отчизны.
Вы, молодые комсомольцы, вместе со своими старшими товарищами, продолжаете историческую славу своего города—Севастополя! Вы советская молодежь олицетворяете патристический порыв—отдать все свои силы, а если понадобится и жизнь за выживание Родины нашего любимого вождя и учителя товарища Сталина, о выданной ратнине немецких оккупантов в 1942 году.

Слова этого Родина начертаны на камнях боевых изваяний. Каждый молодой человек нашей Родины, где бы он сейчас ни находился, носит их в своем сердце. Они зовут нас и борются, на героические подвиги во имя Победы.
Молодые комсомольцы! Выступайте инициаторами коммунистического соревнования смельчан, воспитывайте сотни тысяч стрел-

ков, которые одной стеной уничтожат врага, гудомо кружатые боевой дробью, готово излучают многоствольные, скамьи пулеметов, отчаянно стреляют танков.

Каждый из вас должен в совершенстве овладеть оружием, в совершенстве изучить орудия боевые и снаряды.

Час борьбы близок! Нам надо думать не о том, чтобы избежать этот час.

Центральный Комитет ВЛКСМ шлет вам привет и выражает твердую уверенность в том, что коммунисты и молодежь города-героя будут верными патристами Советской Родины.

Начался тот день, когда героическая Красная Армия, под руководством великого Сталина, разобьет немецких оккупантов и очистит нашу землю от фашистских мародеров. И тогда каждый из вас с гордостью сможет сказать своему народу: в тяжелые для Родины дни я окреп и вырос на Севастополе.

Да издревлет героический Севастополь и молодежь славного Севастополя!

Да вырастет славные воины, бесстрашные герои нашего народа!

Да вырастет наш вождь, наш вождь в любимой Сталин!

Секретарь ЦК ВЛКСМ
Н. ИХАНДОВ.

28 мая 1942 г.

Расписались и шестеро моряков-комсомольцев, составлявших гарнизон дзота № 11.

На следующую ночь противник ринулся в атаку. На дзот № 11 наступал батальон. Моряки отбили атаку. Тогда немцы открыли ожесточенный минометный и артиллерийский обстрел. Больше суток продолжалась яростная канонада. Таяли силы защитников маленькой крепости. Вот уже умер на руках товарищ командир дзота Раенко; навеки закрылись глаза краснофлотцев Погорелова и Кременко. Но дзот защищался. Оставшиеся в живых три бойца: Доля, Четвертаков и Калужный — продолжали отражать натиск врага.

На вторые сутки к дзоту подошли четыре комсомольца: Потапенко, Король, Корж, Глазырин.

Бой не утихал. Налетели немецкие бомбардировщики, усели огонь вражеские стрелки... Яростно сопротивляясь, один за другим гибли краснофлотцы. Теперь в гарнизоне маленькой крепости остался только один Глазырин. А дзот жил, дрался, истреблял немцев.

К утру подошли наши части. Враг был отброшен. Моряки нашли мертвые тела девяти молодых краснофлотцев. Глазырин был ранен. Из сумки противозага Калужного выглядывала записка. Неровным почерком на ней было написано:

«Родина моя, земля русская, любимый товарищ Сталин! Я, сын Ленинского комсомола, его воспитанник, дрался, как подсказывало мне сердце. Бил гадов, пока в груди моей билось сердце. Я умираю. Но знаю, что мы победим. Моряки-черноморцы, деритесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак! Клятву воина я сдержал.

Калужный».

Сняв бескозырки, молча стояли черноморцы над погибшими друзьями, которые своей смертью завоевали победу. Суровы были их лица, в глазах светилась ненависть к врагу, а побледневшие от волнения уста беззвучно повторяли клятву: драться с врагом по-черноморски, до последней капли крови, до полной победы.

...Так сражались молодые защитники Севастополя.

Пусть же их дела вновь и вновь поминают нам об этом городе воинской славы и чести, о людях, показавших перед лицом грозной опасности силу стойкости, которую еще не знал мир.

нами нависла смертельная опасность. Враг, как затравленный зверь, врется в наш любимый город Севастополь. Мы клянемся родине, родному Сталину:

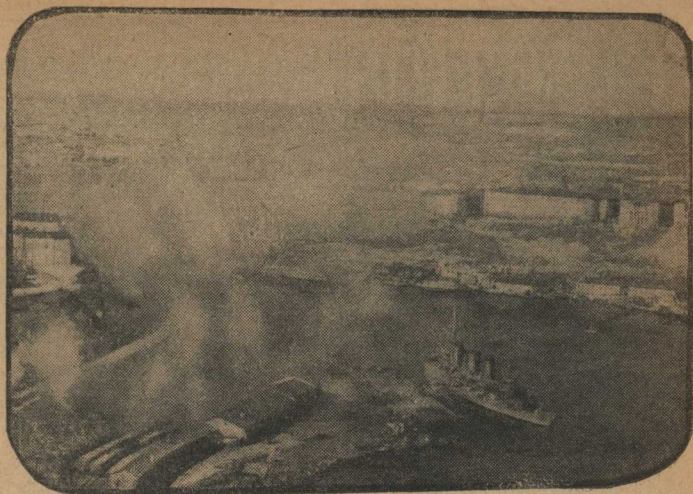
первое — не отступать назад ни на шаг;

второе — ни при каких условиях не сдаваться в плен;

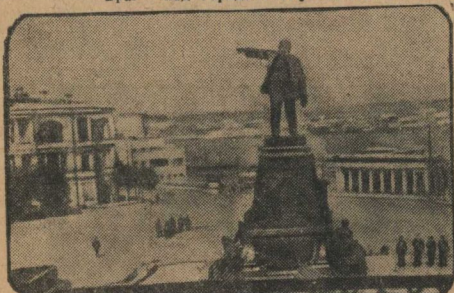
третье — драться с врагом по-черноморски, до последней капли крови;

четвертое — быть храбрыми и мужественными до конца, показывать пример бесстрашия, отваги, героизма всему личному составу.

Это решение было переписано в нескольких экземплярах, и трое краснофлотцев разнесли их по всем дзотам, окопам, огневым точкам. Бойцы читали листок и ставили свою подпись.

Враг — над городом. Окутываются дымом боевые корабли..

Памятник Ленину—священное место героев Севастополя, где присягали они на верность родине и вождю.

Обнажив свою «морскую душу» — краснофлотскую тельняшку, — шла в смертный бой морская пехота Севастополя.

Посмотрите на эти снимки. Вот она, черноморская твердыня — Севастополь, город-герой. В памяти встают двести пятьдесят дней беспримерной севастопольской эпопеи—бои за каждый холм и за каждый дом—и люди Севастополя, простые и мужественные, опаленные в огне, побеждавшие даже ценой своей собственной смерти.

— Огонь!
И снова — выстрел, другой, третий... Откатываются румыны, отбита еще одна атака врага.

— Как вы думаете: кто сейчас самый популярный герой в мире? — спросили у корреспондента газеты «Нью-Йорк геральд трибюн».

— Бесспорно, Павличенко, — ответил журналист.

Он говорил о девушке-снайпере, уничтожившей триста девять гитлеровских головорезов. Она защищала Одессу, она прославилась под Севастополем. В Москве и Оксфорде, в Вашингтоне и Ковентри ее прижимали к груди матери и говорили: «Спасибо!»

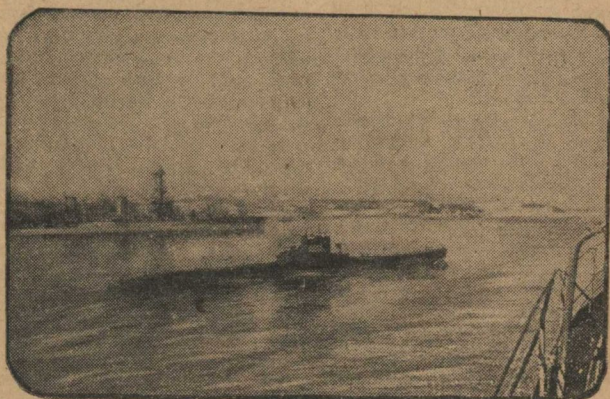

У всех девятнадцати фашистов, только в двух боях убитых комсомольцем Хорольским, были пробиты головы. Так метко стрелял «матросский снайпер», славный защитник черноморской твердыни.

— Придется тебе, Аршба, сходить в разведку,— говорил обычно командир комсомольцу-абхазцу Алексею Аршбе, когда дело касалось трудного и опасного задания.

Не было лучшего разведчика во всем отряде морской пехоты, чем этот молодой воин.

Получена радиограмма: судно противника появилось в Н-ском квадрате,— и советская подлодка покидает базу, уходя навстречу бою и еще одной победе.

Это и есть стойкость!

Военные специалисты различных стран мира долго еще будут ломать себе голову над неразрешимой загадкой: как мог устоять Сталинград — город в открытой степи — против чудовищного натиска германской армии? Как могло случиться, что вопреки военной теории, вопреки реальному соотношению сил город не только выстоял, но, изрядно потрепав в жестоких боях силы врага, сам перешел в наступление?

Ленинград, Одесса, Севастополь... Кажется, они неповторимы. Каких еще подвигов можно было ждать после ленинградской эпопеи, после замечательного героизма защитников черноморской твердыни? Разве это не предел мужества и человеческих возможностей? Нет, не предел! Подвиги не имеют границ, как не имеют границ любовь и преданность советского воина к своей отчизне.

Подвиги ленинградцев, севастопольцев, защитников Одессы по праву могут быть названы бессмертными. Но они не остались неповторимыми.

Пятеро моряков-комсомольцев под Севастополем первые совершили беспримерный акт самопожертвования, подорвав на своих телах вражеские танки.

Два сталинградских комсомольца: Николай Сарафанов и Михаил Чембуров — вступили на улицах Сталинграда в бой с десятью немецкими танками. Одну вражескую машину они подбили из противотанкового ружья, три других подожгли бутылками с горючей смесью. У двух смельчаков не оставалось уже никаких средств борьбы с танками, они могли бы выйти из боя и спастись. Но Сарафанов и Чембуров поступили так, как подсказывало им сердце: привязав к поясу последние оставшиеся гранаты, они бросились вперед, навстречу танкам...

На другом участке Сталинградского фронта важную в тактическом отношении высоту обороняли шестнадцать молодых гвардейцев под командованием девятнадцатилетнего младшего лейтенанта Василия Кочеткова. Двенадцать из них были ком-

сомольцами. Горстка бойцов успешно отразила четыре атаки итальянцев, истребив при этом восемьдесят вражеских солдат и офицеров. Вслед за итальянцами на штурм высоты двинулись немецкие автоматчики. Однако и они оказались не удачливее своих «союзников».

На рассвете следующего дня высоту атаковали двенадцать немецких танков. Гвардейцы забросали их гранатами. Два танка замерли на месте, остальные продолжали идти вперед, поливая окопы храбрцев свинцовым дождем. Таяли ряды защитников высоты. Еще несколько минут — и танки неизбежно сомнут их, раздавят и прорвут линию обороны... И вдруг из окопа выскочил молодой боец и метнулся к ближайшему танку — раздался взрыв. За первым бойцом выбежали из окопов все остальные гвардейцы. В машины полетели гранаты. Бойцы бросались под гусеницы. Взорвался еще один танк, четвертый.

Нервы немцев не выдержали. Шесть машин на полном ходу повернули вспять, а две попрежнему шли вперед. Из защитников высоты в живых остались только четверо: тяжело раненый командир Кочетков и бойцы Василий Чирков, Михаил Степаненко и Михаил Шухтомов. И эти трое, не сговариваясь, схватили гранаты и сделали то, что повелевал им долг: ценой собственной жизни они вывели из строя немецкие танки, преградили путь врагу.

Герой может умереть, но его подвиг живет вечно: в легендах и сказаниях, в мыслях и чувствах современников, в памяти поколений, в делах последователей героя. Так будет победно резать над полем битвы боевое знамя, если даже пал знаменосец. Символ воинской славы подхватят десятки других бойцов. Сталинград продолжает и множит героические традиции города Ленина, Одессы, Севастополя, лучшие традиции русской армии.

Из каждых пяти ленинградских комсомольцев четверо на фронте. В Севастополе не было ни одного комсомольца, который не находился бы на переднем крае оборо-

ны. Одесская комсомольская организация насчитывала в своих рядах сто шестнадцать тысяч человек, из них семьдесят тысяч с оружием в руках сражались на передовых позициях, а сорок шесть тысяч несли вспомогательную службу.

Могли ли уступить им в мужестве и стойкости комсомольцы славного города Сталина!

Как-то во время налета вражеской авиации подвергся яростному обстрелу расчет зенитной пушки, находившейся на крыше заводского цеха. Многие бойцы были ранены. Начался пожар. Молодая работница завода «Баррикады» Нина Таранова, не задумываясь, полезла на крышу и, задыхаясь от дыма, обожженная, стала выносить вниз раненых. Двадцать восемь бойцов обязаны своей жизнью бесстрашной комсомолке.

Сталинградскому комсомолу не приходится краснеть за своих пиотомцев. Не уронили они славы своего великого города, не запятнали его воинской чести!

Сталинградцы не отступают. Изумительной стойкостью они завоевали победу, жизнь. Четыре бронейщика: Болото, Алейников, Самойлов и Беликов — вступили в неслыханный бой с тридцатью немецкими танками. Храбрые сердца оказались крепче немецкой стали. Отступили не русские: отступили немцы, потеряв при этом пятнадцать машин. Четверка героев осталась жить. Тридцать три советских воина блестяще отразили бешеную атаку семидесяти фашистских танков. Ни один из тридцати трех не погиб. Это она, стойкость, помноженная на умение, позволила защитникам Сталинграда совершить подвиг, равного которому не знает мир.

История донесла до наших дней чудесную легенду о фермопильском сражении. Триста воинов Спарты, защищавших узкий горный проход, погибли, не отступив перед полчищами персидского царя Ксеркса. На месте этой исторической битвы поставлен памятник с трогательной надписью: «Странник! Возвести спартамцам, что мы полегли здесь, верные законам Спарты».

На подступах к волжской твердыне есть небольшая возвышенность. Она была безымянной. Теперь у нее есть имя, мужественное и поэтичное, такое же величественное, как Фермопиль: «Высота одиннадцати героев Востока».

Их было одиннадцать: девять узбеков, один казах, один татарин. Семеро из них были комсомольцами. Сталинград они видели впервые, но говорили о себе с гордостью: «Мы сталинградцы». Они пришли сюда защищать свою родину, свою жизнь, свою молодость.

Несколько раз пытались немцы малыми силами овладеть высотой — и каждый раз откатывались назад, неся потери. Тогда против одиннадцати смельчаков германское командование бросило ударную группу из трехсот солдат.

Не дрогнули, не отступили наши бойцы. На атакующие вражеские цепи обрушился огонь одиннадцати советских воинов. Больше половины наступающей группы они перебили, но сами остались без патронов. Тогда по сигналу своего командира младшего лейтенанта Михаила Кабрикова десять советских богатырей поднялись во весь рост и ударили в штыки.

Все одиннадцать погибли. Похоронили их на той самой высоте, которую они с таким упорством защищали.

Одиннадцать сынов Востока не напрасно сложили здесь свои головы: они погибли, но победили. Удержав на несколько часов высоту, они дали возможность нашей части развернуться и отбросить фашистов. Не даром пролита под Сталинградом кровь тысяч других советских бойцов. Остановив немцев у Волги, они отстояли Москву, Поволжье, Урал, дали возможность нашим войскам перейти от обороны к наступлению.

Слава вам, герои Сталинграда! Ваши имена с восхищением и признательностью будут произносить миллионы людей. На ваших подвигах будут воспитываться поколения. Память о вас будет жить в веках!

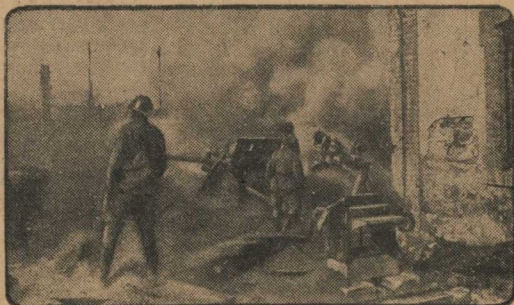
Так горел подожженный фашистскими бомбами город у Волги — Сталинград. Но, сожженный и израненный, он не сдался врагу.

Сталинград! Город славы, город жестокой и большой судьбы. На всех языках мира «Сталинград» — значит мужество, стойкость, неиспелелимая вера в победу.

Защитники волжской твердыни поклялись: «Ни шагу назад!» — и кровью своей а, боях скрепили эту клятву. Они отбивали все атаки немцев, сжигали фашистские танки, не уходили с поста во время самых жестоких бомбежек. Снова и снова налетали вражеские бомбардировщики, снова поыхало море огня, и из огня вставал во весь свой исполнский рост молодой человек с винтовкой в руках — комсомолец, геерой Сталинграда. Он и победил своей стойкостью и упорством. Он остановил немца и дал возможность всей Красной Армии перейти от обороны к наступлению. И слава о нем никогда не умрет!

За каждую улицу, за каждый дом, за каждый камень на мостовой дерутся молодые советские автоматчики — славные защитники Сталинграда.

«Первое... огонь!» И орудие в упор бьет по фашистам. Опаленные и усталые не отходят от лафета артиллеристы. Сзади — Волга. Здесь не должен пройти враг!

Вот типичный уголок Сталинграда. Развалины, повисшие в воздухе балки, дыры зияют в стенах. А на импровизированном мостике — неутомимые советские разведчики.

«Рубеж» — короткое, строгое слово. Здесь нельзя сделать ни шагу назад, здесь смерть в бою предпочитают отступлению. Герои Сталинграда говорят: «Каждый рубеж — решающий».

На броне лаконичная надпись: «4 танка». Это — начало боевого счета, который открыл под Сталинградом комсомолец М. Ковригин. Он командует молодыми артиллеристами, уничтожившими только в последних боях 4 фашистских танка и до взвода пехоты противника.

Кровь лейтенанта

Рассказ

Николай Жданов

Ночью выпал снег, и теперь окрашенные утренним солнцем горы казались неправдоподобно красивыми — розовыми на вершинах и нежносиними в тени. Внизу, в долине, медленно клубился туман, полупрозрачный, легкий и, должно быть, теплый, как дыхание. Небо — чистое и высокое — мягко светилось, как бы искрилось, хотя звезды уже не были видны на нем.

— Поди ж ты, красота какая, а! — сказал Демин, с удовольствием оглядывая один за другим могучие хребты и испытывая давно забытое уже чувство душевной легкости и покоя.

Он неторопливо обошел вокруг неширокое плато, исследуя спуски. Их было два. Один со стороны крутой каменной скалы, по которой они уже спускались ночью; другой — на противоположной стороне плато, в небольшой горной щели. Этот спуск был особенно узким, обрывистым, из-за снега даже нельзя было толком разобрать тропа это или русло ручья.

В маленькой заперошенной снегом палатке, втянув в полушубок ноги и голову, еще спал Патрикеев.

— Вставай! — сказал ему Демин. — Кофей кипят, булочки пережариваются!

Он подумал, что и в самом деле неплохо было бы поесть теперь, и, достав из рюкзака банку с консервами, принялся расковыривать ее дштыком.

Приятное, легкое чувство не оставляло Демина. Его радовали и сверкающий, чистый снег и то, что именно он получил такое важное задание. Он слышет в полку надежным человеком. Конечно, нетрудное дело — прийти к своим, сказать: так и так, вам приказано держать этот «Орлиный залет» до подхода наших. Но мало ли что может случиться!

Демин еще раз с удовольствием огляделся вокруг. И вдруг за краем скалы, внизу, влево от себя, он увидел кусок обкатанной горной дороги. В одном месте, под скалой, где не было снега, ясно виднелась выбитая в камне колея.

Демин оставил банку и дштык и, подойдя к обрыву, принялся внимательно разглядывать дорогу. Да, несомненно, это и есть путь через перевал. Он достал двухверстку, нашел на ней окружающие холмы. Если эта дорога через перевал — а в этом он убежден теперь, — значит... плато, на котором они сейчас находятся, и есть тот самый «Орлиный залет», где должен быть отряд Джавашидзе.

— Эй, Патрикеев, натираешь снегом, будто турист какой! Поди сюда!

— Есть идти сюда! — весело отозвался Патрикеев.

Ему, видимо, тоже нравилось это утро. Растертое снегом лицо его сияло, а глаза и все крепкое, плотное тело выражали всеелую готовность действовать.

— Вы помните данный нам приказ майора Роева? — строго спросил Демин. — Повторите мне слово в слово.

— Пробраться на плато «Орлиный залет» и передать находящемуся там отряду...

— Подождите: «находящемуся там»? За это вы ручаетесь?

— Ну что вы, товарищ лейтенант, да я этот приказ лучше своей фамилии помню.

— Так. Значит, «находящемуся там», — опять медленно повторил Демин. — Ну, а если этот отряд там не находится?

— То есть обязательно находится! — торпливо заговорил Патрикеев, еще более краснея от возбуждения. — Они еще вчера должны быть там. Только они не знают, что держаться им надо, «на смерть» стоять. Потому — тот «Орлиный залет» дорогу через перевал как в руках держит.

— А ты говорить-то, оказывается, оратор! — думая о чем-то своем, заметил Демин и, вновь подойдя к обрыву, начал напряженно всматриваться адаль. — А если я тебе скажу, что «залет» этот тут и есть, где мы с тобой стоим. Тогда что?.. Гляди-ко, — перебивая самого себя, позвал он Патрикеева, — никак идут?

Действительно, внизу, в долине, то исчезая, то снова появляясь в тумане, двигались люди. Еще нельзя было решить, много их или нет, но уже по их поступи, по редкому сверканью металлических частей оружия было ясно, что это идет воинская часть.

— Ну, так это они идут! — облегченно выдохнул Патрикеев, радуясь, что внезапно охватившая его тревога оказалась напрасной. — Ишь, орлы! — ласково и восторженно добавил он, глядявываясь в медленно движущиеся далеко внизу шеренги. — Тот, высокий, у повозки, должно быть, сам Джавашидзе. Жалко, товарищ лейтенант, что у нас флага нет: поставить бы его тут — они бы сразу поняли, что свои уж их дожидаются.

Демин молчал. Вертикальная, похожая на шрам складка на его лбу сделалась еще отчетливее. Минуту спустя он сделал Патрикееву знак рукой, чтобы тот отошел в сторону, и сам опустился на снег у края обрыва.

Прижавшись головой к породе, он видел, как вся шеренга медленно скрылась за поворотом дороги обгивавшим выдававшуюся вперед скалу. Скоро ему стало ясно, что замеченная ими группа была только замыкающей частью длинной колонны войск.

Головная часть колонны была за поворотом и теперь появлялась в том месте, где дорога, уже обогнув скалу, вновь выходила на покатый склон главного хребта и зигзагами подымалась вдоль широкого ущелья, над которым, как киль большого корабля, высился «Орлиный залет».

Вперед колонны бесшумно и очень медленно подвигались маленькие квадратные машины. Увидев их, Демин сразу понял, что опасение, возникшее у него с первого момента появления колонны, верно, что это немцы.

* * *

Демин еще раз внимательно оглядел плато и поманил к себе Патрикеева.

— Ух, ты! Ух, чорт! Вот, а! — разглядывая вползающую на скат колонну, беспокойно задержался боец. — Вот бы минометы сюда, а, товарищ лейтенант?

Демин невольно улыбнулся, глядя на его осененное вдохновением безудное, юношески задорное лицо.

— Или б, например, батарею главного калибра, как у нас на крейсере. А?

— Ты, я вижу, мечтатель. Сколько у нас запасных дисков?

— Четыре, товарищ лейтенант.

— Два оставишь мне. Иди, забери «папашу» и по этому спуску пробираться туда, на передний уступ. Когда с тобой поровняется колонна, открывай огонь. Понял? Патроны береги. Всех их не убьешь, не старайся. Важно их остановить и заставить брать это плато боем. Две трети патронов — на оборону! Этот вот спуск — на твоей совести. Понял? А тот — на моей. Есть?

Это было, пожалуй, рискованным — отпустить от себя Патрикеева. Но решение уже было принято Деминим, и в правильности его он не сомневался.

И вот он один. Он лежит на краю обрыва, у спуска вниз, и держит в руках автомат. Под ним синеватый воздух, скалы и лес. И почти напротив, чуть ниже и левее его, гребень перевала, усеянный мелкими высотками, меж которыми извивается дорога, ведущая на ту сторону хребта, к тылам наших войск, к морю.

Почему застрел этот отряд Джавашидзе? Ведь должен же он быть здесь. Но скоро ли? Когда? Видит ли Патрикеев того высокого офицера с широкой повязкой из рукава? Чужак, он принял его за Джавашидзе! Сколько отсюда до них? Метров 400. Эх, он забыл сказать Патрикееву, какой нужен пращел. Ну, сам знает. Чего он молчит там? Пора. Или нет, не пора. А может быть, и не надо стрелять совсем? Они пройдут и не заметят нас. Отчего это человеку обязательно хочется жить? Просто до подлости хочется. А Патрикееву? Надо было обнять его, сказать: «Стой! Измерь!» — или что-нибудь такое.

Демину нестерпимо захотелось приблизиться к своему товарищу, сказать что-нибудь ласковое, ободряющее, что помогло бы ему бороться с наплывающим волнением, страхом. Он сделал движение, и в эту

минуту тройной дробящийся звук потянул молчаливые горы.

Этого он просто не ожидал. Молодец, этот Патрикеев! Первая машина встала, и в черном окутавшем ее дыму сверкнули красивые языки огня.

Напряжение и страх сразу оставили Демина.

— Ха-а-а-а! — услышал он нервный и резкий крик и увидел, как высокий офицер с повязкой на рукаве, нелепо махая пистолетом, пытается задержать отпрянувших от дороги солдат.

А пули свистят и стучат о камни. Эхо наталкивается на эхо и путает звуки. Уже не понять, стреляет ли Патрикеев или только с дороги беспорядочно палят по склонам немецкие автоматчики.

Важно, что колонна останавливалась. Пусть немецкие командиры подумают, как им поступить. Демин подождет. Сейчас решается самое главное. Если они пойдут вперед, они, конечно, пройдут. Что можно сделать против такой колонны двумя автоматами на 400 метров? Но что-то подсказывает Демину, что немцы не решатся идти вперед: они любят прощупывать огнем все подозрительные места, обивать металлом каждую щель, вывертывать ее наизнанку и уже потом идти.

А потом будет поздно.

Первая мина, с грохотом разбившаяся о выступ скалы, только радует Демина, как подтверждение его расчета. Он заметил, что теперь на дороге остались лишь несколько брошенных повозок и та догорающая машина. Немцы попрыгали в скалы. Но огонь так усилился, что Демину одно время стало казаться, что гору подрывают снизу. Там, внизу, падали сосны, и оттуда взлетали вверх осколки, царапая скалы и отбивая куски породы. Потом он понял, что немцы ведут навесный огонь и снаряды, не попадая на площадку, пролетают вниз.

Вокруг него стоял такой невыносимый грохот, что Демин не удержался и отполз вниз, в углубление горной щели. Когда он немного пришел в себя и вновь выбрался наверх, чтобы взглянуть на дорогу, он увидел, что несколько солдат сбрасывают обгоревшую машину с обрыва, а сзади уже подтягиваются повозки и солдаты собираются двигаться дальше.

Демин ощутил острое чувство унижения. Значит, она просто презирают их сопротивление, не считаясь с ним. Он прыгнул поудобнее за уступом и, подождя, пока колонна несколько уплотнится, дал длинную очередь, затем вторую и третью. Но паники уже почти не было на дороге. Квалитативный, неловкий немец в большой каске и ватном френче, заменявшем ему шинель, кричал что-то, размахивая короткими руками, и не уходил от повозок. Одна лошади, маленькая, светлорыжая, с черным хвостом, упала и билась под огглыми, пытаясь встать.

Меняя диск, Демин слышал, как лязгали о камни ее копыта.

Он лежал на самом краю обрыва, и в простертой руке его был зажат пропитанный кровью шарф.

Короткий, сверлящий звук сдавил воздух. Демину показалось, что пространство вокруг него натянулось, лопнуло и, рухнув, прижимает его к скале.

Когда он открыл глаза, снег вокруг него был черным от ослепших пятен гари. Но снаряды, по-птичьей шурша, словно у них были крылья, пронеслись над ним и рвались уже где-то вдали, на перевале.

Патрикеев тряс его за плечо. У него было совсем детское лицо, и Демин долго не мог догадаться, что ему нужно. Ах, опять лезут немцы, и у него кончились патроны? «Ну, возьми мой диск».

Патрикеев снова исчез. И странно: только теперь Демин наконец понял, где он. Он хотел подползти к обрыву и посмотреть, что делается на дороге, но тело его

оставалось неподвижным. Оно как-то обмякло и горело. Но он всё же мог не ползти и, яростно напрягая мышцы, упираясь под-вертывающимися локтями о скользкие от мокрого снега камни, он действительно по-полз. Хотя он выбивался из сил, движение его было так медленно, что он едва продвинулся на один метр. Ему не хватало воздуха. Может быть, это шарф душит его? Он сорвал со своей шеи шарф и увидел на белом шелковом полотне пятна крови. Неужели это его кровь? Или это еще кровь Егора, его брата Егора, летчика, погибшего в начале войны? Но ведь Егор подарил ему шарф еще до отъезда на фронт. Нет, это совсем свежая кровь, яркая, свет-локрасная. Потом она не будет светиться так,

Но что же он оставил? Надо ползти, ползти.

То, что он увидел с обрыва, сначала удивило его. Дорога была пуста, на ней виднелся только труп той рыжей лошади: они, видимо, пристрелили ее. Почти весь снег на дороге стаял, и поднявшийся из долины туман окурился склоном.

Где же они? Неужели прошли мимо него?

Наконец он заметил внизу, под самой горой, темные двигающиеся в тумане пятна. Конечно же, этого надо было ждать: они решили взять плато и уже спустились к склонам «Орлиного залета».

Значит, он вынудил-таки их брать эту гору боем. Демин удовлетворенно вздохнул и оглянулся вокруг, словно ища кого-нибудь, кто мог бы увидеть и оценить в эту минуту, как правильны и точны были все его расчеты. Хо! Это уже здорово.

Но теперь надо держать их здесь. Держать «на смерть», как говорил Патрикеев. Что ж, раз нет еще Джавашидзе, они сами будут держать плато.

Желание битвы охватило Демина. Он хотел рвануться к автомату, оставленному на склоне, и опять страшное несоответствие между силой глупого желания борьбы и неспособностью сдвинуть свое тело удивило и озадачило его. Но как же ему быть?

Опять прошуршал по-птичьему снаряд над его головой и разорвался далеко на перевале. Что значат, однако, эти разрывы? Может быть, немцы заметили наших? Ведь Джавашидзе где-нибудь тут. Или это они нарочно закрывают огнем подходы с той стороны хребта, чтобы обеспечить себе захват «Орлиного залета»? Только бы продержаться еще. Деловитые, короткие очереди «папаша» Патрикеева доносились к нему. Ведь он сказал Патрикееву, что этот второй подход будет на его, деминской, стороне. Но они уже обходят гору и, значит, будут подниматься здесь.

Оставляя на талом снегу следы крови, он долго полз к автомату, а когда наконец дополз, чуть не заплакал в отчаянии, поняв, что ему даже не поднять его.

Эта мысль родилась у него внезапно, когда он лежал на снегу, прислушиваясь к возне и выстрелам внизу. Это же Патрикеев сказал, что так нужно сделать. Или это еще давно, в детстве, дома, на теплой лежанке, он читал про сторожа, который остановил поезд. Правда, у него нет фла-

га, но шарф, шарф, красный от крови. Он стремительно, судорожно стал шарить у себя на груди и у шеи. Где же он? Вдруг вспомнил, что сорвал и бросил его. Это — единственное, что еще осталось для борьбы. Значит, все кончено. Все. Он закрылся плато и некоторое время лежал неподвижно.

Вдруг он вздрагивает; срываясь, подымается на локте, осененный везапной догадкой. Может быть, еще не поздно. Он долго ползет по снегу, чувствуя, как теплая, ласковая и обесилывающая струя стекает у него под тельняшкой. Надо бы зажать рану рукой. Он расстегивает бушлат и меховой жилет под ним и разрывает тельняшку. И тут он видит у себя в коленях шарф, который так мучительно нужен ему. Он хватает его и прижимает к ране гладкую холодную ткань. Теперь он совсем спокоен. Он лежит, прижавшись лбом к мокрой коже.

Да, конечно, он знает, что это находится где-то за пределами известных ему военных способов. Но ведь он совершенно уверен, что они не смогут подняться на обрыв, пока над ними будет развеваться этот флаг. Они остановятся и будут обстреливать гору с разных сторон и придумывать что-нибудь, но только не идти вперед.

Хватит ли у него еще крови на этот флаг? Он снова прижал теплый и влажный теперь шарф к ране и медленно, боясь потерять сознание, пополз на край выступа, нависший над спуском.

Отряд Джавашидзе, задержанный в горах боями, к вечеру прорвал оцепившие плато кордоны и очутился у подножия «Орлиного залета».

Патрикеев, измученный и радостный, встретил бойцов на спуске и повел их на вершину к позиции лейтенанта.

Поднявшись на плато, бойцы заметили светлокрасное полотнище, колеблемое несущимся из долины воздушным потоком. Подойдя ближе, они увидели Демина. Он лежал на самом краю выступа. В прорезанной над обрывом отвердевшей руке его был зажат пропитанный кровью шарф, яркий, как знамя.

Лейтенант был мертв, но кровь его еще продолжала бороться.

Немцы не решились подняться на плато и группировались внизу, видимо разрабатывая планы многосторонней атаки.

Но было уже поздно.

■ ■ ■

Лыжники на войне

Мастер спорта П. Лебедев

1. Атака

Многие в лыжном батальоне не понимали, почему старший лейтенант Сергеев так часто заставляет бойцов ходить без палок.

— Опять запутался в лыжах! — в сердцах говорил он бойцу, у которого при движении лыжи скрестились и он закопался в снегу. — А на что у тебя палки за ремнем? Вынь их и помоги себе встать.

К концу недели лейтенант Сергеев неплохо натренировал своих бойцов. На ходу они могли сложить палки, связать их находящимися на концах петлями. Палки, заложённые с левой стороны за пояс, не стесняли движений бойца, и он скользил легко на лыжах, держа винтовку низко.

— Отважному, хорошо подготовленному лыжнику-бойцу нестрашен враг, неопасен мороз, — часто повторял Сергеев. Он горячо любил лыжный спорт, не раз участвовал в соревнованиях и свою любовь к лыжам старался привить всем бойцам.

Вскоре подразделение лейтенанта Сергеева получило боевое крещение. Надо было взять с бою деревню, где засели немцы. Она была хорошо укреплена. Сеть проволочных заграждений, глубокий снег, снежные обледенелые вали делали эту деревню недоступной для пехоты.

Лыжники заняли исходное положение в

лесу, километрах в двух от деревни. Задолго до рассвета каждая рота проложила до проволочных заграждений несколько лыжней. В атаку решено было пойти под прикрытием дымовой завесы. Несколько бойцов, положив лыжи рядом и скрепив их палками, животом легли на эти «сани». Отталкиваясь кистями рук, медленно стали они подбираться к проволочному заграждению. Заняв удобные позиции, они застыли на месте.

Когда роты поднялись и стали подходить к проволочным заграждениям, дымовые завесы заволокли горизонт. Враг не мог вести прицельного огня. Этого и надо было лыжникам. Преодолев проволочные заграждения, они с хода ударили в стыки.

Громкое «ура» раздалось в предраассветной мгле. Фашисты не выдержали атаки и оставили окопы. Лыжники устремились в глубину обороны. Они действовали стремительно, не дав опомниться врагу и собрать силы для контратаки. Без лыж, сбившись с тропинки, немецкие солдаты увязали в снегу и вскоре были все уничтожены.

После взятия села лыжники увидели, что их потери незначительны. Учеба лейтенанта Сергеева пошла впрок. Бойцы хорошо овладели лыжной техникой, в особенности умением быстро ходить без палок.

2. „Подлип“

— «Век живи — век учи» — верная, товарищи, поговорка, — сказал старший лейтенант Шпагонов, снимая с ног лыжи.

Большая луна освещала деревенскую улицу, избы и бескрайнюю, лежащую под белым покровом поляну. С каждым часом мороз крепчал. Дышать было трудно.

— А дураками, товарищи старший лейтенант, все равно умрем, — добавил красноармеец Заривной.

— Умереть дураком — дело немудрое, а вот остаться в дураках в решающую минуту, товарищи Заривной, — это куда хуже. Вот мы сейчас в тридцатиградусный мороз попали в болото. Кругом уйма снега, морозиче, и вдруг под лыжами покасалась вода. Хотя и не часто, но такие места встречаются. Что стало бы с подразделением, если бы бойцы и командир не знали способа перехода зимнего болота? Мы не только не выполнили бы задание, но и больше часа пешком плелись бы в деревню. А в бою? Перебили бы нас, как куропаток. Мы сумели перехитрить скрытое снегом

болото. Только у Иванова и Федорова, прошедших первыми, к лыжам пристал снег. А умючи и от подлива можно быстро освободиться. Дело нехитрое, а без практики, учебы вряд ли что сделаешь.

Подразделение старшего лейтенанта Шпагонова, чемпиона Горьковской области по лыжам, проверяя на передовой линии связь, попало в заболоченное место. Лейтенант прибегнул к своему излюбленному способу перехода болота. Два или три лыжника через короткие промежутки времени по одной и той же лыжне пересекали мокрое место. Сильный мороз быстро сковывал лыжню. По обледенелой лыжне, как по рельсам, остальные бойцы, не подмочив лыжи, пересекли болото.

Этот способ перехода был обнаружен случайно, после одного эпизода фронтовой жизни лейтенанта Шпагонова. Было это в 1940 году, во время войны с белофиннами. Лейтенант с девятью бойцами

(Окончание на стр. 35)

А ты учишься воевать на лыжах?

Рассвет, тихий и морозный, вставал над Москвой.

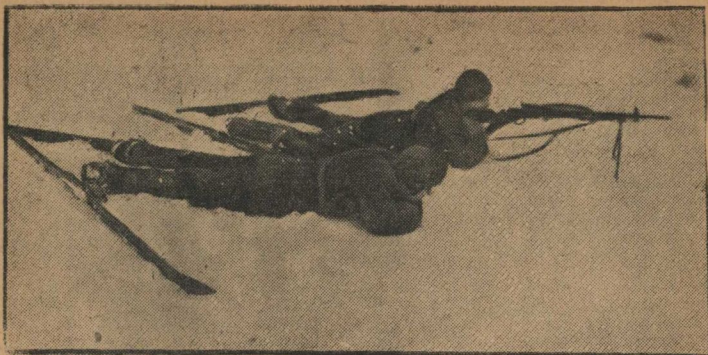
Ранним утром отправились в поход бойцы Всевобуча Кировского района столицы. Мягко поскрипывал снег под лыжами, причудливо под скупым декабрьским солнцем искрилась дорожка. Юноши шли, взмахивая палками, приближаясь к «пункту Н.», где предстояла жестокая схватка с «врагом».

— Я учусь воевать на лыжах, — говорит боец В. Панфилов, — и когда пойду в бой, буду драться умело.

...Вот и Москва-река. Лыжники продолжают движение вперед. На противоположном берегу — «пункт Н.».

«Противник» заметил наступающих и открыл «огонь».

— К пулемету ложись!— приказывает командир отделения Н. Дронов.

Быстро, не снимая лыж, устанавливают ручной пулемет бойцы И. Кондратьев и И. Макеев. Еще одна минута — и ровно застучал «ДП», посылая очередь за очередью по контратакующему «противнику».

С правого фланга на помощь наступающим спешат стрелки на лыжах—И. Соколов, А. Бабкин и Э. Зедайн.

...Вот уже они в узком месте изгиба реки форсировали преграду и, поддержанные вторым отделением лыжников ворвались во «вражеские» окопы.

Внезапно, точно снег на голову, напали на отступающего «противника» с тыла лыжники третьего отделения.

«Пункт Н.» был взят!

лыжниками находился в разведке. На пути они встретили деревушку с горящим на окраине домом. Не успели лыжники войти в деревню, как из-за угла дома вынырнули два неприятельских лыжника. Увидев советских бойцов, они повернули и бросились наутек. Шпагонов решил померяться силами. Зная, что по накатанному снегу можно развить большую скорость, он пошел вдоль улицы. Энергично работая палками, лейтенант быстро приближался к цели.

Все его мысли были поглощены фашистскими лыжниками. Проезжая мимо горяще-

го дома, лейтенант в азарте не заметил теплый, подтаивший снег. С хода он преодолел его и через несколько секунд почувствовал на ногах тяжелые, пудовые гири. Лыжи перестали скользить. Огромные усилия прилагал лейтенант Шпагонов, чтобы догнать уходящих врагов. Но все было напрасно. Тогда, скинув автомат, он пустил короткую очередь. Первый фашист упал, второй — скрылся в лесу.

С тех пор старший лейтенант Шпагонов еще внимательнее стал изучать каждую мелочь в лыжном деле. И вот тогда-то он и нашел способ преодоления на лыжах заболоченных мест.

Так был захвачен „язык“

Приказ капитана Мельниченко был, казалось, прост и обычен. Надо было выяснить, что делается на переднем крае врага, и привести «языка». Но немцы вот уже несколько дней держались настороженно, вели кинжальный огонь, и подобраться к ним было нелегко.

Темной ночью, когда пал на землю туман и яростно хлестал дождь, старший лейтенант комсомолец Николай Яковлев во главе

небольшой группы разведчиков покинул окопы. Вскоре бойцы незаметно добрались до колхозного полевого стана, где и решились немного отдохнуть.

Обходя стан, Николай Яковлев заметил еле различимые в тумане тени. Оказалось, что в сторону разведчиков двигались немцы: это было боевое охранение врага.

Проверив гранаты, разведчики стали следить за

немцами и, когда они подошли совсем близко, открыли дружный огонь. Немцы заметались, начали беспорядочную стрельбу.

Двадцать четыре солдата было в боевом охранении врага. Ушло только четыре.

Когда стало рассветать, отважные разведчики стали продвигаться вперед. В одном из блиндажей они обнаружили забившегося в угол фрица и доставили его в свою часть.

МЫ С ЛАДОГИ

Ан. Тарасенков

Наша Ладога — дорога боевая. По волнам Ладожского озера идут в Ленинград корабли и баржи с хлебом и боезапасом... Фашистские воздушные пираты пытаются прервать эту «дорогу жизни», но наши крылатые соколы отгоняют их. Зенитчики зорко следят за воздухом, а когда позволяет обстановка, сами становятся на погрузку,

Ладога работает, Ладога трудится для победы города Ленина.

В эском соединении на лихих «морских охотниках» выросло боевое племя комсомольцев — мужественных, стойких, беспрдельно храбрых. Это — настоящее орлиное племя!

Мечты о подвиге

Вот один из них — Николай Епихин, молодой голубоглазый командир катера, чья лихая смелость в бою стала примером для всей нашей ладожской молодежи.

В комсомол Колю Епихина принимали в 1932 году в том самом чудесном черноморском городке, где работал над своей бессмертной книгой Николай Островский.

Сверстники писателя уже стали зрелыми мужчинами: строителями, инженерами, командирами. А Коля Епихин еще только собирался принять из их рук комсомольскую эстафету борьбы и труда... Он выходил поутру на берег. По синей глади моря шли наши боевые корабли: крейсер «Красный Кавказ», торпедные катера, подводные лод-

ки. Коля Епихин мечтал о героике, о подвиге... Он хотел стать военным моряком. Предстояли долгие годы учебы, чтобы осуществилась мечта юности о моряцкой службе. Там, на Васильевском острове, в стенах военно-морского училища, Коля Епихин впервые прочел замечательную книгу своего земляка-комсомольца, и глубоко в сердце молодого человека запал образ Павки Корчагина — честного, благородного, смелого, злого и беспощадного к врагам. Вот бы стать таким, как он!..

Раз — уже незадолго до войны — Епихин приехал в отпуск домой, в Сочи, к своей матери. Николая Островского не было в живых. В его домике устроили музей. Епихин прошел по тихим комнатам. Экскурсовод рассказывал молодежи:

— Вот гармонь, Николая Островского, вот его оружие, пишущая машинка, на которой была написана его книга...

Епихин задумчиво смотрел на портрет худого человека с горящими глазами в красноармейской форме:

«...Нет, наше поколение не будет хуже поколения Островского-Корчагина! Нам ещё придется воевать, чорт возьми! И мы не раз покажем врагу, что такое комсомол и на какие дела он способен!..»

Мужание война

Невелик срок, прошедший с тех пор, — год с небольшим. Но разве сосчитать, в скольких боевых операциях участвовал за это время Епихин?

Без карты, ночью, по памяти, по врожденному морскому чутью проводил Епихин транспорты, под бешеным огнем немцев спасал баржи, укрывая их дымовой завесой... Раз, ведя группу малых катеров на лихой десант, Епихин натолкнулся у берега на стену огня. Казалось, пробиться нельзя.

— Вперед, друзья! — крикнул в мегафон Епихин и бросился к берегу.

Сила примера — великая сила. Вслед за катером отважного комсомольца пошли вперед остальные. Десант был высажен.

И вот Ладога... Штормовые ноябрьские дни... Ледовый поход через озеро... А весной снова дозоры, бои... Сколько сотен миль исколесил Епихин на своем «морском охотнике»! Выйдет он к вражеским берегам. Ночь. Видны трубы заводов на берегу. На рассвете слышно пение птиц. Затаятся и ждет Епихин... Сложная операция — надо не испугнуть врага.

А то днём, при солнце, проскочит он под самым носом противника, обстреляет его наблюдательную вышку, скопления солдат и, ловко обойдя завесу огня, летит стремглав обратно.

...В марте 1941 года Николай Епихин окончил курс военно-морского училища. Он навсегда запомнил темную июньскую ночь в базе, когда ему выпало дежурить по части. Было спокойно вокруг, и хорошо думалось о том, как он проведёт завтрашний воскресный вечер. Внезапно небо прорезала вспышка — будто блеснула молния, — а затем прогремел отдаленный разрыв. Потом они застали один за другим. Стало тревожно и непонятно. Глухие взрывы сотрясали воздух. Что это? Неужели война? Да, вот она и пришла, неумолимая и грозная.

В первые же дни войны Николай Епихин получил звание лейтенанта и был назначен помощником командира на «морской охотник». Это был новый корабль. Епихин комплектовал команду, тренировал, обучал ее. Через две недели он вышел в море с боевым заданием. У вражеских берегов, когда «морские охотники» проводили под огнем батарей баржи, получив Епихин свое первое боевое крещение. Он рос в боях. Закалялся характер комсомольца — вчера еще мечтательного юноши, сегодня борца, воина. Через два месяца после начала войны один командир сказал Епихину:

— Теперь будешь самостоятельно командовать катером.

Однажды произошел следующий случай. Наш тендер, шедший с эвакуированными женщинами из Ленинграда, ветром занесло на мель. Немцы начали стрелять по бесомощному тендеру из миномётов. Епихин бросился на помощь, не думая об опасности. Он подошел к тендеру, спас людей, вывел их в безопасное место.

У комсомольца-командира выросли в краснофлотцы комсомольцы под стать ему. Вот отважный сигнальщик Чумаков — секретарь комсомольской организации. В бою он и раненых перевязает и из пулемета по «юнкерам» строчит. Вот комсомолец Карпиев — замечательный свисток. Уж у него-то рация всегда безотказна. Вот Гавриц, Дубинин — «черты на моторах», как называет их сам командир.

Крикнет им в бою Епихин:

— Давай моторы на самый полный, аж до разрыва!

И комсомольцы-мотористы дают. Так дают, что только вода за кормой кипит. А разрывов в моторе, конечно, не допускают.

...Вечером придут в базу, соберется комсомольская братва на палубе: кто гармонь возьмет, кто — деревянные ложки, кто сирену приспособит. Епихин подойдет с гитарой. И готов джаз-бэнд — лихой, моряцкий джаз-бэнд. Гремя музыка! Играй наши боевые песни!

Сигнальщик Чумаков

У старшего краснофлотца Степана Чумакова семья осталась на Днепропетровщине. Там и отец, и мать, и сестренка. Нет писем, нет вестей о них. Кто скажет Чумакову, что с ними? Живы ли? Может, угнали их, родимых, на проклятую немецкую каторгу — в какой-нибудь Кельн или Мюнхен.

А он, Степа, воеет здесь, на Ладоге. Приходилось ему служить и на Дальнем Востоке. Войну, суровую войну не на жизнь, а на смерть, он познал только здесь, на Балтике, на Ладоге, — и в море и на суходуте.

Однажды Чумакову дали задание — вместе с другими бойцами морской пехоты задержать наступающих немцев в районе У. Чумаков со своим пулеметом стоял несокрушимо. Он сцепился в драке с немцами зло, насмерть. Уничтожил шлюпку с восемью немецкими солдатами, уничтожил отделение фиццев на суше. Это все из пулемета. Потом бил граватами по занятым врагами чердакам.

А когда наши части под натиском нем-

цев отодвигали на новый рубеж, это он, отважный комсомольский секретарь, прикрывал переправу вдвоем со своим другом и побратимом — комсомольцем Голубенко.

Вскоре Чумаков пришел на «морской охотник» сигнальщиком. Вот она, Ладога! Впервые увидел её Чумаков осенью 1941 года. Зимой прожил с друзьями в землянке. Своими силами ремонтировали комсомольцы катер, а с весны пошли, в поход.

Стоит ночью на мостике Степа Чумаков. Сложна его сигнальная служба! Бьет ночью по тебе береговые батареи противника — засеки их точки: пригодится... Летят днем вражеские самолеты — будь начеку, не подведи товарищей. Бывали горячие переделки, когда на катер налетало сразу по четыре — пять вражеских самолетов. Тут уж зевать Чумакову не приходилось. Он и не зевал. Когда нужно, под обстрелом, под бомбежкой семафорил со своего катера боевым друзьям на других кораблях, и ни разу не дрогнула у него рука, ни разу не ошибся Чумаков в сложной системе мнемонического морского алфавита.

Бой с „макаронником“

В предобеденные дни разыгрался на Ладожском озере бой наших «морских охотников» с итальянским торпедным катером, финской и немецкой авиацией. Вот как это было.

Притаившись у берегов безлюдного и каменистого вражеского островка, три «морских охотника» (Епихина, Колесника и Боронина) замаскировались зелеными ветвями елей и сосен. Ни с воздуха, ни с земли, ни с воды их не видать. Но вот, наконец, и долгожданная дичь! На поверхности озера моряки увидели характерные «кусы»: к острову мчался итальянский торпедный катер. Мягом слетела маскировка, скрывавшая «морских охотников». На полном ходу рванулись вперед, в погону за врагом, наши корабли. Артиллерийские расчеты начали вести меткий огонь по неприятелю, прервав ему пути отхода.

Особенно выделялось своей меткой стрельбой носовое орудие одного из «морских охотников». Этим орудием командовал старшина 1-й статьи секретарь парторганизации Николай Алексеевич Антонов. Старый, кадровый моряк, опытный артиллерист, Антонов добился нескольких прямых попаданий в итальянский торпедный катер.

Но в это время фашисты бросили в атаку на наши корабли свои самолеты. Пулеметная очередь скосила половину

орудийного расчета Антонова: упали, обливаясь кровью, на палубу храбрые краснофлотцы-комсомольцы Михаил Челядко и Григорий Степанов. Комсомольский секретарь Чумаков перевязал ребят. Антонов остался с подносчиком патронов краснофлотцем Азаревым. Видит, помощи ждать неоткуда. Нужно добить вражеский катер. Но одновременно надо вести огонь и по вражеским самолетам. И Антонов сам заряжал пушку и стрелял из нее. Десятки снарядов выпустил он по торпедному катеру и самолетам врага. И добился своего: «макаронник» пошел ко дну, все атаки фашистской авиации были отбиты.

Сила примера — великая, славная сила! И комсомольцы, участники этого сражения, показали себя достойными наследниками боевых русских морских традиций.

Метко был из кормовой пушки Григорий Горбачев, а невдалеке от него без усталости строчил из пулемета Харис Тюкаев.

От вражеских пуль загорелись тюфяки в кубрике. Это увидел раненый комсомолец Степанов. Весь в крови, он прополз по палубе к помощнику командира.

— Товарищ лейтенант, пожар!.. — доложил он.

И, уже не будучи в силах помочь, он, лежа на палубе и глядя в небо, докладывал:

— Слева по корме вражеский самолет!.. Справа по курсу стертяги!..

Истекая кровью, он помогал пулеметчикам и артиллеристам вовремя обнаруживать и бить воздушных хищников.

На катере старшего лейтенанта Колесника был ранен в ногу комсомолец-наводчик Молодцов. Он скрыл свое ранение и до конца боя не отошел ни на шаг от своего орудия.

Вот это образцы стойкости, мужества, бесстрашия! Есть чему поучиться у комсомольцев Ладоги!

Краснофлотец

Все уже бывало в военной жизни этого замечательного парня, жизненный опыт которого далеко опередил двадцатилетний его возраст. Живые, сильные, юношеские движения, задорные карие глаза, широкая улыбка — эх, хорош русский матрос-балтиец!.. Погодите, окончится война, и на Александра Шевчука залюбуется не одна дивчина, когда он вернется домой, на Украину.

Не стыдно будет хлопцу приехать на родину, не стыдно будет ответить на вопросы матери и отца: что он делал, как дрался в дни великой войны?

— Был немцев, батько, — скажет сын. — И они меня бить пытались, да только я их пересидел!..

И расскажет Александр Шевчук, украинский комсомолец, как дрался он с фашистами в суровых водах Ладоги, как стоял он, бесстрашный сигнальщик, на мостике своего «морского охотника» под вихрем пуль с немецких самолетов, под яростным огнем береговых батарей.

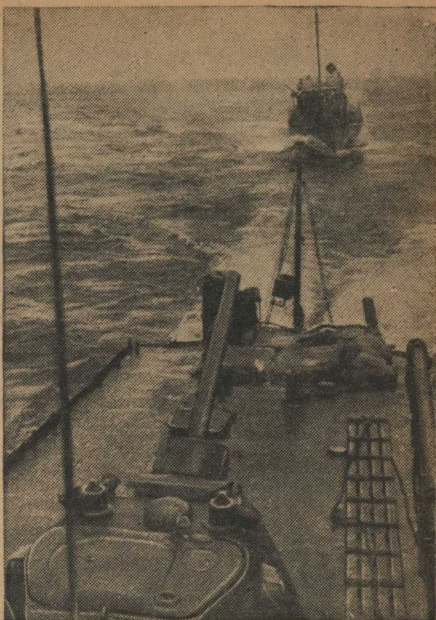
И вспомнит Александр Шевчук одну августовскую «прогулку» в финские воды, на маленький скалистый остров, весь поросший высокими елями и соснами... Много часов просидел он на вышке, маскируясь, стараясь увидеть все, что делает враг.

Долгими часами всматривается он в берег противника, примечает, как движутся по шхерам буксиры и лайбы врага... А его враги не видят.

— Ну-ка, беги, Михалев, на катер, доложу командиру!..

И рулевой Михалев бежит, докладывает своим — они стоят у берега, замаскировавшись от ватерлинии до антенны, — снова возвращается к вышке. И идут долгие часы — один за другим!..

Зорче смотри, Шевчук... Уже устали глаза, но воля моряка не ослабевает. Сердце бьется все так же спокойно. Мы перехитрим вас, гады!

«Морские охотники» в дозоре на Ладоге.

Ушел за едой на катер Михалев. Наблюдает Шевчук...

И вот видит он, как от берега отходит вражеский катер и идет к острову, на котором сидит словно птица в ветвях советский моряк. Идут... Катер выкрашен в желто-зеленую краску. Все ближе вражеское суденышко... Как же доложить командиру? Михалева все нет, а сам Шевчук добежать не успеет.

Была не была! Не пускать же врага на берег?! Взял Шевчук свой верный автомат, спустился с вышки, залег в прибрежных камнях и стал ждать. Все ближе катер...

Загудели с воздуха вражеские самолеты, послышался шум моторов «морских охотников»: это выходили наши в атаку на итальянский торпедный катер. Но Шевчук всего этого не знал. Он видел: перед ним враги, — а его место здесь, на скалистом острове, и оборонять этот остров, кроме него, Шевчука, никому.

И приложился комсомолец-балтиец к своему автомату. Сначала дал короткую очередь, потом длинную... Эх, если бы пулемет! Автомат бьет недалеко — волны всплески воды ложатся, не долетая до катера...

Но что это? Враг поворачивает. Враг удирает. Победа!

Прогнал от острова вражеский катер Шевчук... А на воде в это время шел бой — тот самый бой, в котором наши «морские охотники» потопили «итальянца». И после боя забрали Шевчука на один из катеров и пошли с победой домой, на базу.

Но мстительны немцы, хитры. Чуть не на бреющем полете атакуют моряков самолеты фашистов. Совсем низко летят!.. Еще раз пригодился Шевчуку его автомат. Стоя на мостике, строчит он по самолетам. Вот один покачнулся, отстал. Видно, достала его меткая балтийская пуля. Но не унимаются остальные. Третий, шестой, седьмой заход... Стучат пули о палубу, пробивают ее. И будто ударило что-то по голове Шевчука: ахнула немецкая пуля ему в голову, пробив тяжелый шлем.

Чувствует Шевчук: ранен он. Но — слышишь, моряк? — тянет гарью из кубрика. Значит, надо туда — тушить огонь, спасать

корабль... Бросился комсомолец со своими друзьями в кубрик — все сделал как надо. И вдруг хлынула кровь из-под тяжелого его кожаного шлема. Тут только поняли друзья, что ранен Шевчук...

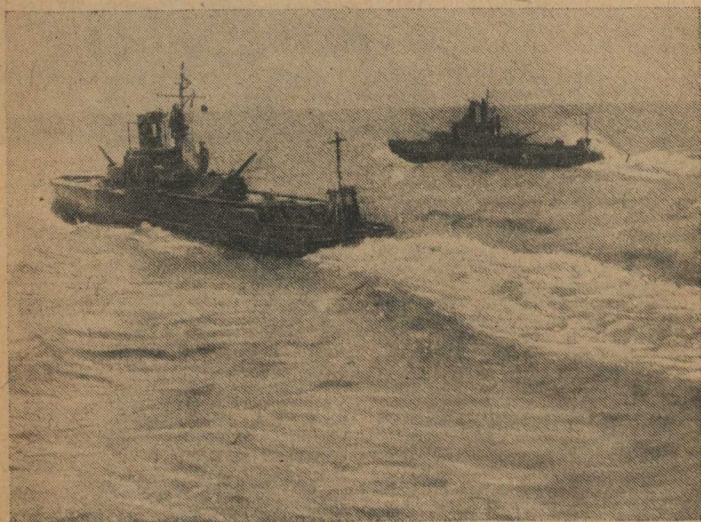
Врач потом говорил:

— Только стиснул зубы Шевчук, когда ему черепную кость долбили, пулю вынимали. Не охнул.

* * *

Многие комсомольцы Ладоги отмечены правительственными наградами: орденом Красного знамени награжден Епихин — командир «морского охотника»; орденом Красной звезды увенчан подвиг комсомольца Григория Степанова; медаль «За отвагу» получил Анатолий Молодцов; медаль «За боевые заслуги» — Михаил Челядко и Александр Шевчук.

Родина помнит о своих доблестных защитниках — скромных моряках маленьких кораблей, несущих боевую вахту на просторах бурливой Ладога.

Саперы строят оборону

Полковник И. Чабров

Регламент Петра I

Саперным искусством владели еще наши древние предки. Первые очень отрывочные сведения о саперных работах русских войск обнаружены в летописях 1015 года. Правда, тогда еще не существовало ни военнотехнического дела, ни специальных саперных войск. Однако уже в этих летописях можно найти краткие сведения о сооружениях первых оборонительных оград: земляных окопов, лесных завалов и т. д.

Вся Русь в эту эпоху (XI—XIV столетия) была раздроблена на довольно большое количество княжеств. Центром каждого княжества был город. Он в целях обороны и обносился валами, рвами и оградами. Наступающим армиям саперное искусство было необходимо для устройства переправ, дорог, мостов, а затем и для облегчения осады и штурма укреплений.

В дальнейшем оборонительные работы усложнялись. Укреплённые пункты окружались широким рвом и бревенчатым забором (тыном) с бойницами для бросания стрел. Такие укрепления носили название «острогов».

Росло русское государство. Чтобы надежнее охранять государственные границы,

вместо отдельных острогов начали создавать «сторожевые линии» — непрерывные линии укреплений. На отдельных местах они состояли из земляного вала со рвом впереди, а в лесистой местности — из широких лесных засек. Для возведения таких, уже сравнительно сложных оборонительных сооружений понадобились специальные военные строители.

Основание саперным войскам в России, которые тогда назывались инженерными, положил Петр I. В 1701 году в Москве была открыта специальная военно-инженерная школа, а в 1712 году были созданы «минерная рота» и «понтонная команда».

Петр рассматривал саперов не только как организаторов мощной обороны, но и как действенную силу, подготавливающую успешное наступление и разгром врага. Саперы «зело потребны суть при атаке или обороне какова места, — записано в регламенте Петра I от 1716 года. — И надлежит таких иметь, которые бы не только фортификацию основательно разумели и в том уже служили, но чтоб мужественны были, понеже сей чин паче других страху подвержен есть».

Высота 161,5

За два с лишним столетия саперное искусство далеко шагнуло вперед. Во всех армиях мира, кроме саперных частей, созданы специальные инженерные войска. Их задачи разнообразны. Но несомненно одно: они должны обеспечить хорошую оборону.

А от хорошей, налаженной и своевременно проведенной работы саперов зависит не только успех обороны, но и дальнейшие наступательные действия войск. Стало непреложным законом: чем крепче стоят войска на рубежах, отбитых у противника, тем

сильнее они смогут бить по врагу, быстрее двигаться вперед. Опыт великой отечественной войны учит, что в наступательном бою одинаково вредно огульно бежать вперед или бесцельно топтаться на месте. Обрушивая на врага стремительные удары, нужно вышибать его с выгодных позиций, быстро закрепляться на них и отсюда снова бить по самому чувствительному месту неприятеля.

Как это следует делать?

Я расскажу, как мы укрепили высоту 161,5, отбитую у немцев. Сначала окопались. А когда наступила темная южная ночь, стали укреплять высоту. Завтра немцы пойдут в атаку. Следовало подготовиться к тому, чтобы намотать силы врага еще на подступах к высоте и мощным контрударом отбросить его.

Схема наших оборонительных сооружений была несложной. Впереди окопов устанавливалась линия проволочных заграждений в 3 кола. За проволокой по всему фронту надо было вырыть противотанковый ров, а на флангах и танкоопасных направлениях —

противотанковые эскарпы. Между противотанковыми рамами и окопами следовало подвесить на низких колях проволочную сеть. Перед окопами фланговых подразделений надо было установить минные поля.

Командир саперного подразделения внимательно рассмотрел схему.

В это время в землянку вошел младший сержант Тихонов и доложил, что колья для заграждений уже доставлены. Идет разгрузка машин.

— Ну вот и отлично! — ответил командир. — Колья есть, колючая проволока тоже есть, а главное, есть отличные бойцы и командиры. Значит, за ночь должно быть все сделано.

Привезенные березовые колья были различных размеров: одни — длиной почти 2 метра и толщиной 10 сантиметров, другие же — маленькие, длиною немного более $\frac{1}{2}$ метра, но такие же толстые. С одного конца колья были зарублены. Они напоминали остро отточенные карандаши. Недалеко от колеь лежали укрытые брезентом мотки с колючей проволокой.

Колючая проволока

Вначале саперы забивали колья. Это простая и несложная работа. Бойцы их вбивали одновременно по нескольку десятков, а затем олетали проволокой.

Заграждения должны были располагаться в 50—60 метрах от наших окопов, не ближе — иначе противник, если ему удастся приблизиться в проволоке, сможет забросать наши окопы ручными гранатами.

Олетать колья колючей проволокой можно по-разному. Известно, что слабо натянутую проволоку резать значительно труднее, чем проволоку, натянутую струной. Поэтому бойцы старались, чтобы проволока несколько провисала. Чтобы помешать противнику пролезть под заграждениями, нижние нити проволоки подвешивались не выше чем на 18—20 сантиметров от земли.

Несмотря на то что ночь была сравнительно темной, работа двигалась успешно. Правда, противник кое-где беспокоил нас артиллерийским огнем. Особенно долго и усиленно он обстреливал участок третьего

подразделения. Но бойцы, пользуясь большими интервалами, когда противник на несколько минут прекращал огонь, вылезали из окопов и продолжали свое дело. Через несколько часов по всему фронту против окопов третьей роты был установлен проволочный забор.

Против окопов второй роты саперы устанавливали проволочную сеть на низких колях¹. Здесь особенно хорошо работал

¹ Такая сеть на низких колях называется «спотыкач». Это каверзный вид проволочных заграждений.

Летом 1915 года 2-я сибирская стрелковая дивизия заняла позицию около местечка Красне. Работы по укреплению этой позиции велись тогда, когда поля были только что засеяны. Когда начались активные боевые действия, рожь выросла настолько, что протянутая на низких колях проволочная сеть была вовсе незаметна.

Немцы атаковали позиции русских. Сначала они разрушили проволочные заграждения, а потом бросились в атаку. Но тут они и наткнулись на низкую проволочную сеть. Произошло замешательство, ряды противника дрогнули. После нескольких немецких атак сеть буквально была завалена трупами. Немцы так и не сумели добиться успеха. Вот какую большую роль сыграла обыкновенная проволока!

боек Иванов. Его удары были хорошо рассчитаны. Пяти — шести таких ударов было достаточно, чтобы вогнать кол на 50 сантиметров в землю. На поверхности оставались колыхки в 20 сантиметров, то есть ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы установить этот вид заграждения. Полоса проволочной сети на низких кольях имела в глубину не меньше 4—5 метров.

Плохо подвигалась работа только на левом фланге второй роты. Немцы не прекращали обстреливать этот участок. Огонь был настолько сильным, что бойцы не могли выползти из окопов.

Что же, оставить этот участок неукрепленным? Но тогда он окажется воротами, сквозь которые прорвется враг. Саперы решили установить на этом участке переносные проволочные препятствия: ежи и рогатки. Они изготовили их в тылу и подвезли к переднему краю обороны. Кроме того, перед окопами второй роты мы разбросали «спираль Бруно»² и «пакеты Фельда»³.

² Так называется один из видов проволочных заграждений. Это своего рода цилиндр, сделанный из колючей проволоки. В высоту он имеет 70—80 сантиметров, в длину — около 10 метров. «Спираль» ставят в один, два или три ряда и связывают их между собой проволокой.

Работы по укреплению высоты 161,5 подошли к концу.

Весь передний край нашей обороны был достаточно опутан колючей проволокой. Но разве враг не сможет подползти к заградительному «плетню» и ножницами разрезать проволоку точно паутину? Понятно, что немцы это смогут сделать и, безусловно, сделают, если мы не предпримем специальных мер защиты.

Какие это меры?

Прежде всего необходимо прикрыть огнем каждый вид препятствия. Колючая изгородь на время задержит врага. В это время и надо обрушить на него огонь. Пулеметный огонь метко поражает противника, если он находится не дальше чем на 400 метров. Поэтому я требовал, чтобы пулеметы были расположены поближе к концам заграждения и чтобы огонь, который прикрывает препятствия, был фланговым, то есть простреливал пространство вдоль препятствий.

³ «Пакет Фельда» напоминает обычную домашнюю ширму на шести створках, густо оплетенных колючей проволокой. Если раздвинуть пакет, он загорлит участок длиной в 10,5 метра. Ширина и высота сети — метр. Расставленные пакеты устанавливаются вплотную один за другим.

Сюрпризы фашистским танкам

Враг коварен и хитер. Как только он наткнется на густую сеть проволочных заграждений, которая задержит его пехоту, он, безусловно, бросит в наступление танки. А этим бронированным чудовищам проволочная паутина нестрашна. Они изорвут ее без труда точно нитки. Поэтому я принял все меры, чтобы достойно встретить и этих непрошенных гостей.

В то время, когда устанавливались проволочные заграждения, саперы начали рыть противотанковый ров — большую и глубокую канаву с отвесными стенками и горизон-

тальным дном. Работа была трудоемкая и тяжелая; она отняла много времени.

На всех направлениях, откуда можно было ожидать вражеские танки, на подступах к нашим флангам, да и в глубине расположения саперы рыли противотанковые эскарпы и делали танковые ловушки.

Противотанковые эскарпы и ловушки против окопов второй роты рыли два взвода под командой лейтенанта Сорокина. Разведка сообщила, что немцы имеют средние танки, и Сорокин поэтому строил эскарпы глубиной до 2 и шириной до 3 метров. Сте-

ны в таких рвах он делал под углом до 40°, чтобы вражескому танку трудно было преодолеть их крутизну.

На участке третьей роты бойцы заканчивали рыть танковые ловушки — это те же ямы, только большие и глубокие. Я пошел посмотреть, как идут работы. Представьте себе мое удивление, когда я нигде кругом не мог обнаружить вырытой земли!

Куда она могла деваться? Ведь ее должны быть горы! Потом выяснилось, что бойцы, желая замаскировать работы, отсыпали землю в вещевых мешках и засыпали воронки от снарядов.

У каждой противотанковой ловушки лежали жерди, солома, хворост и дерн для маскировки.

Работы по укреплению шли полным ходом. Но и время не ждало. Приближался рассвет...

Правда, мы еще успели минировать некоторые, наиболее опасные поля. Мины — очень серьезное препятствие для танков.

В отличие от эскарпов, рвов, ловушек установка мин не требует больших земляных работ. Бойцы могут закладывать мины

в кустах, в высокой траве, на вспаханном поле, в неглубоких канавках.

Я вызвал лейтенанта-сапера и приказал ему установить несколько минных полей на стыке между второй и третьей ротами и на левом фланге нашего расположения. Не выходя из землянки, лейтенант разработал схему минных полей.

Вместе с лейтенантом мы вскоре вышли из землянки. Он отправился выполнять приказание, а я пошел к месту расположения первой роты. Там устанавливали надолбы из очень толстых бревен. Их зарывали в землю с наклоном в ту сторону, откуда ожидали появления вражеских танков.

Внутри оборонительного района, на лесном участке дороги, бойцы устроили завал и два лесных барьера. Это неплохие противотанковые препятствия. Для того чтобы немецкие танки не смогли обойти барьер, вокруг него мы заложили противотанковые мины.

К рассвету высота 161,5 была недоступной врагу. Бойцы и командиры были готовы отражать атаки немцев. Усталые, но боеспособные, они заняли свои места в окопах, блиндажах и на наблюдательных пунктах.

Саперы победили

Багровокрасное солнце медленно выплывало из-за горизонта. Противник, как мы и ожидали, открыл сильный артиллерийский и минометный огонь. Особенно сильному обстрелу он подверг участок второй роты.

Боле часа немецкая артиллерия билась по нашим позициям.

Затем с передовых наблюдательных пунктов сообщили: «На северной окраине деревни Н. и за стогами сена замечена группировка танков противника. В расположении противника сильное оживление. С запада по

направлению к деревне замечены в колоннах подходящие резервы».

Враг готовился к атаке.

Мы были готовы к встрече. Вскоре из деревни Н. развернутым строем стали приближаться немецкие танки. За ними, перебегая от укрытия к укрытию, двинулась фашистская пехота. На некоторых танках укрылись автоматчики. Наша артиллерия открыла заградительный огонь. Противотанковые пушки вступили в единоборство с танками противника. Несколько вражеских

машины окуталось облаком дыма. Но враг все же продвигался вперед; все ближе и ближе подходил он к линии нашей обороны.

Вот уже всего двести—двести пятьдесят метров отделяют наши проволочные заграждения от танков врага. Немецкие автоматчики попытались было покинуть танки, но в этот момент мы открыли огонь из винтовок, минометов, пулеметов и пушек. К этому шквалу присоединились разрывы мин, на которые налетело несколько немецких танков. Пехота противника залегла. Его танки заматались точно мыши в мышеловке...

Нескольким немецким танкам удалось проскочить через наши проволочные заграждения, избежать минных полей. Теперь они беспомощно лежали в танковых ловушках. Один из них, опрокинувшись набок, замер на дне противотанкового рва.

Противник не ожидал такого организованного отпора. Он не предполагал, что всего за одни сутки высота 161,5 может быть превращена в неприступную крепость.

Враг стал поспешно отходить к деревне Н., где вскоре и перешел к обороне.

С рассветом наши части готовились перейти в контрнаступление.

В первую мировую войну русско-германский и русско-австрийский фронт протяжением от Балтийского до Черного моря был сплошь затянут перед линиями окопов и в разрывах между ними препятствиями из колючей проволоки. То же самое было и на западном, франко-германском фронте, где уже к середине войны полосы колючей проволоки местами достигали ширины 30—40 метров.

Как велика была потребность в проволоке, можно судить по тому, что на 1 километр позиции в 1915—1916 годах требовалось до 40 тонн колючей проволоки. Царская армия в 1915 году ежемесячно расходовала 36 тысяч тонн проволоки. Германская армия за всю войну (до половины 1918 года) израсходовала более 600 миллионов тонн колючей проволоки.

Дорога к счастью

(Из рассказов английского подводника)

Если вы изучали когда-нибудь карту Сицилии, то, должно быть, помните, что остров по краям оплетен тонкой паутиной железных дорог. Рельсы зачастую проложены над самым морем, они то скрываются в туннелях, то избегают на видуки и мосты. По ним мчатся воинские составы, подвозя к аэродромам и бухтам тяжелые немецкие бомбы, предназначенные для Мальты, мины для заграждений на путях английских кораблей и торпеды для снаряжения итальянских подводных лодок.

Велико военное значение Сицилии, этого аванпоста фашистской Италии, и недаром соединенные силы британского морского флота и авиации зачастую появляются вблизи коварного острова.

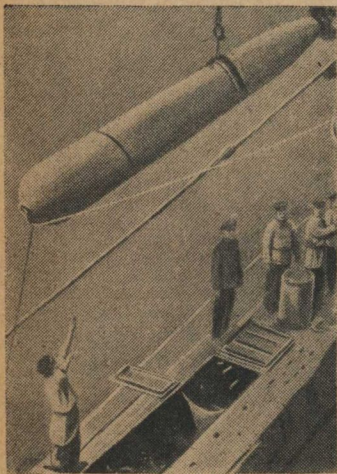
В одну из летних лунных ночей около скалистого сицилийского берега внезапно вынырнул из воды перископ английской подводной лодки, а затем в легкой пробегающей по морю зыби появилась на поверхности и вся палуба субмарины. Английская гостя всплыла удачно: лунная дорожка, называемая обычно мечтателями «дорогой к счастью», начинаясь у берега, уходила в море сторонкой, а лодка была скрыта в тени.

Тихо и бесшумно появились на палубе люди; они недолго возились с каким-то мягким, напоминающим тушу убитой рыбы предметом, что-то погружали в него, и вскоре на поверхности воды появилась еще одна маленькая лодочка. Можно было подумать, что большая мрачная субмарина выпустила на волю невзрачную и еще слабого детеныша.

В надувной резиновой лодочке ехали на сушу два смелых молодых английских моряка. Они взяли с собой на фашистский остров гостиницы: пакеты сильно взрывчатых веществ, запальный механизм и бикфордов шнур. Они были вооружены легко, но практично.

Маленькая резиновая лодочка неслышно приблизилась к берегу и силой прибой была выброшена на каменистую гальку. Два подводника взяли ее на руки и легко, словно спящего ребенка, унесли в тень. И сами растворились бесследно в прибрежной тени.

Прошел час, другой томительного, напряженного ожидания. Волнуясь за судьбу моряков, вглядываясь в сторону вражеского острова дежурный офицер. Безмолвно ожидала их возвращения вся команда. Никто не

Спуск торпеды в английскую подводную лодку.

Субмарина пристает к родному берегу.

Экипаж подводной лодки «Этност» почти год патрулировал в Средиземном море. Подводная лодка торпедировала итальянский крейсер, семь немецких транспортных судов и совершила немало других операций.

Посмотрите на этот флаг с эмблемами смерти. Особыми знаками отмечают здесь английские моряки трофеи своей субмарины.

знал, что с ними, повезло ли им на суше или нет. Команда субмарины, отпустившей на землю двух самых отчаянных своих ребят, не знала еще, что сонный итальянский часовой, охранявший мост в горном ущелье, уже лежит связанный под скалой с кляпом во рту, а рядом два подводника, поглядывая изредка на уходящую от берегов в море блестящую и такую заманчивую «дорожку к счастью», с тревогой вслушиваются в подозрительную тишину лунной ночи. Конечно, будь они людьми осторожными, они выполнили бы свою задачу так, как она была обозначена в приказе: взорвали бы мост — и все тут. Но двум морякам-подводникам, которые впервые сошли на сушу для боевого дела, хотелось выполнить его как можно лучше.

В отдалении послышался едва уловимый стук. Подводники насторожились и весело глянули в глаза друг другу. Предчувствие их не обмануло.

Стук приближается. Это поезд идет сюда, к мосту. Все яснее, отчетливее стучат в тишине теплой лунной ночи над Средиземным морем его колеса. И вот наконец, врываясь на высокий мост, визгливо кричат паровоз, но грохот страшного взрыва внезапно обрывает его предсмертный вопль. Тяжелые фермы моста взлетают на воздух,

обломки каменных быков, вагоны с боеприпасами и фашистами падают в ущелье. Дежурный английский офицер на мостике притаившейся субмарины видит багровый отсвет взрыва, посиневшую сразу в этом багровом свете дрожашую луну и облегченно вздыхает.

Два смельчака осторожно ползут к берегу. Они хватают легкую надувную лодку, швыряют ее на волну, прыгают в лодку сами и плывут к родному дому — к своей субмарине. Через несколько минут захлопываются люки субмарины, она погружается, моторы дают «полный вперед» — к Мальте.

Пусть ломают теперь себе головы итальянцы, пытаясь распутать сложную загадку этой тихой лунной ночи. Пусть безуспешно ищет фашистская полиция по всему острову неуловимых диверсантов.

Два молодых подводника — герои этой ночи — целы и невредимы сходят на берег в знакомой гавани Ла Валлетта. Они загадочно и хитро улыбаются, встречая приятелей с других кораблей.

Только команда родной субмарины знает пока их славный подвиг, первый подвиг не в открытом море, а на опасной и коварной суше.

Записал Владимир Беляев

Отв. редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Зам. отв. редактора — Ю. А. ЭШМАН.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А 15. Подписано к печати 9/1—43 г. Изд. № 69.

Формат 72 × 110 см. 2 п. л.

Заказ 3557.

Тираж 60 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.